

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Инспектор
и бабочка

Виктория Евгеньевна Платова

Инспектор и бабочка

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4560590

Инспектор и бабочка: Астрель; М.; 2020

ISBN 978-5-04-107668-9

Аннотация

Инспектор Икер Субисаррета, осматривая убитого в отеле постояльца, неожиданно узнал его: им оказался его давний друг Альваро Репольес, бесследно пропавший два года назад. Под подозрение попал ночной портье Виктор Варади. Камеры наблюдения зафиксировали, как в ночь убийства портье зачем-то поднимался на гостевой этаж. Ситуацию усложнял явный абсурд: по лестнице Виктора конвоировали две кошки-ориенталы, неведь как туда попавшие. Расследование этого странного, абсолютно нелогичного убийства время от времени накрывала леденящая черная тень. Тень, идущая от светлого лучезарного ангела...

Содержание

Глава первая:	5
Глава вторая:	103
Глава третья:	149
Конец ознакомительного фрагмента.	162

**Виктория
Евгеньевна Платова
Инспектор и бабочка**

© Платова В.Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая:
отель «Пунта Монпас»,
23 июля, 20 ч. 45 мин. по
среднеевропейскому времени

– ...Так кто все-таки обнаружил тело?

Кажется, этот вопрос он уже задавал. И даже получил вполне вразумительный ответ, вот только ответ в памяти не зафиксировался. Не то чтобы память Икэра Субисарреты была дырявой, как чулки уличной шлюхи, – вовсе нет. С памятью у Икера Субисарреты все обстояло блестяще, и она легко подпадала под определение «цепкая», «профессиональная» и даже «фотографическая» 360 дней в году.

Триста шестьдесят – за вычетом пяти, приходящихся отнюдь не на Рождество, собственный день рождения (Икеру не так давно исполнилось тридцать пять) или день рождения любимой девушки (у Икера нет любимой девушки).

Любимой девушки нет, а пять дней есть. Пять июльских дней: они выстроились в цепочку и крепко держатся друг за друга, и если посмотреть на них непредвзято, они лучше любой любимой девушки. Лучше всех девушек, вместе взятых. А «непредвзятый взгляд» – это взгляд самого Икера, и ничего более субъективного придумать невозможно.

Непредвзято-субъективный субисарретовский взгляд упирается в клавишные, духовые и ударные, а еще – в губы, способные извлекать звук из духовых. И в руки, способные извлекать звук из ударных и клавишных. Все вместе это называется:

«Джаззальдия».

Пять дней неистового джаза, которые ежегодно накрывают Сан-Себастьян во второй половине июля, Сан-Себастьян, а вместе с ним и Икера Субисаррету – джазового фаната и инспектора криминальной полиции по совместительству. Лет десять назад именно пятидневная jazz-интифада заставила Икера сменить Бильбао на Сан-Себастьян; именно она, а не расхожее мнение, что-де в курортном Сан-Себастьяне дела с преступлениями обстоят намного лучше, чем в Бильбао (их там почти не случается). И основное занятие ленивых сан-себастьянских полицейских – *пинать балду* в длинных, как пляж Сурриола, промежутках между расследованием краж носовых платков из номеров пятизвездочного отеля «Мария Кристина». Там обычно останавливаются залетные голливудские знаменитости, и именно им принадлежат носовые платки, украшенные монограммами.

WhG – Вупи Голдберг.

ShS – Шэрон Стоун.

Ch... – последняя буква не читается, она залита чем-то темным (соус? вино?), и это дает толчок воображению: то ли Чарли Шин, то ли вовсе Шарлиз Тэрон.

Полицейское управление Бильбао (предыдущее место работы Икера), несомненно, склонилось бы к Шарлиз. Да и сам Икер предпочел бы Шарлиз (краденый платок Шарлиз как повод познакомиться с кинодивой поближе), вот только никаких заявлений от звезды не поступало. Служба безопасности в «Марии Кристине» – выше всяких похвал.

А ночь, проведенная в «Марии Кристине», стоила бы Шарлиз, а заодно и Шэрон, а заодно и Вупи, две тысячи евро как минимум. Сколько платков можно нашить на эти деньги?..

Даже будь они из тончайшего батиста с золотой каймой – все равно счет пойдет на сотни, так станет ли кто-то из рассеянных голливудских небожителей заморачиваться кражей одного-единственного? Вывод напрашивается сам собой: в полицейском управлении Бильбао сидят завистливые дураки, понятия не имеющие, что такое Сан-Себастьян.

И в Сан-Себастьяне случаются преступления. И убийства тоже случаются, так что *пинать балду* Икери Субисаррете до сих пор не удавалось. Но он и не жалуется – работа есть работа: работа убийц – убивать, работа Икера – ловить убийц, круговорот дерьма в природе не знает выходных. А теперь выпачканным в дерьме оказался и единственный праздник, милый сердцу Икера Субисарреты. Выпачканным – если, конечно, смотреть не со стороны духовых и клавишных (никакое дерьмо к ним не пристанет), а со стороны полицейского инспектора.

Стоящего сейчас посреди одноместного номера в отеле «Пунта Монпас».

«Пунта Монпас» далеко до «Марии Кристины», две звезды против фешенебельных пяти, но гостиница не так чтобы плоха – совсем напротив. Ее даже можно назвать милой, хотя и тесноватой на вкус Икера: крошечные номера, где стены душевой кабинки упираются в изголовье кровати; карликовые, с претензией на авторский дизайн, холлы; узкие и крутые, напоминающие корабельные трапы, лестницы. И окна под стать лестницам – такие же узкие, они висают где-то под потолком. Правда, крохи пейзажа, доставшиеся окнам, чудо как хороши! Бухта, часть пляжа и – изменчивое атлантическое небо над всем этим великолепием. Небо просматривается лучше всего, а двух тысяч евро, сэкономленных на ночи в «Марии Кристине», милашке Шарлиз хватило бы, чтобы не только снять всю «Пунта Монпас», но и устроить здесь пижамную вечеринку с коктейлями и Melody Gardot в качестве приглашенной звезды.

Наличие пижамы – краеугольный камень дресс-кода.

Облаченная в пижаму Шарлиз выглядела бы ослепительно.

Облаченная в пижаму приджазованная Melody выглядела бы пикантно.

И лишь облаченный в пижаму труп совсем не греет сердце Икера Субисарреты. Во-первых, потому что он – труп. Во-вторых, потому что пижама на нем дурацкая: рождествен-

ские шары на красном фоне. В чертовы шары чего только не понапихано: птицы, окарикатуренные олени, мелкие зверюшки мультяшного вида. А учитывая, что надета она на взрослого, а не на ребенка... Это должен быть какой-то особенный взрослый, а попросту – сентиментальный, подзадержавшийся в детстве недоумок. Или «человек с осами в голове», как любил выражаться Альваро.

Но самое неприятное заключается в том, что этот пижамный труп с несостоявшейся вечеринки Шарлиз Тэрон напрочь испортил Икери сегодняшний вечер – третий по счету в пятидневном джазальдийском марафоне. А этот вечер обещал инспектору не кого-нибудь, а самого Джорджа Бенсона!.. Нет-нет, вчерашние толстухи из «Чикаго-блюз» тоже были замечательными, и совсем юный мальчик-саксофонист (надо бы уточнить его имя, оно было указано в программке), но Бенсон... Послушать Бенсона живьем – разве не об этом мечтал Икер Субисаррета? Раньше он уже слышал живьем Би Би Кинга, и Майкла Фрэнкса, и еще с десятков знаменитых и великих джазменов. И Бенсон просто не имел права не пополнить этот – во всех отношениях выдающийся – список. Поутру, еще толком не проснувшись, Икер предвкушал великолепие сегодняшнего вечера, а перепетый Бенсоном хит «Marvin said» так и звучал в его ушах, – и вот, пожалуйста... Вместо Джорджа он вынужден лицезреть мужской труп в дурацкой пижаме.

Мужчина (подзадержавшийся в детстве недоумок) лежал

на кровати ничком, лицом вниз, в луже крови, по цвету сильно напоминающей его же собственный прикид; кровь вытекла из зияющей на затылке раны. Такой огромной, что в нее без всякого усилия можно было бы затолкать рождественский шар – не из тех, что украшали пижаму, самый настоящий. Запекшаяся чернота пролома резко контрастировала со светлыми волосами покойного, и Икер тотчас переключился на рассуждения о том, чем мог быть нанесен удар.

Уж точно – не духовыми и не клавишными.

Мысль о каминной кочерге инспектор отбросил сразу же: слишком широк был пролом, да и в номере, где едва умещались кровать и душевая кабинка, ни о каком камине и речи быть не могло. В качестве орудия преступления могли бы выступить молоток, ледоруб, гантель или бейсбольная бита, но ничего подобного в номере не обнаружилось.

Зато обнаружился небольшой чемодан с лейблом «**Mandarina Duck**» (такие обычно берут в качестве ручной клади в салон самолета), щегольской кожаный портфель и пара костюмов, висящих во встроенном шкафу. От костюмов за километр веяло элегантностью и респектабельностью, в них смело можно было бы обрядиться, выпрыгнув из постели красотишки Шарлиз, но отнюдь не из припадочной детской пижамы. Да и кожаный портфель больше соответствовал «Марии Кристине», чем «Пунта Монпас», но портфелем Икер займется позже.

Сначала – труп (интересно, что там поделывает Джордж

Бенсон? И исполнил ли он уже свой незамерзающий хит «Marvin said»?).

– Так кто все-таки обнаружил тело?..

– Я уже говорил вам... – Менеджер отеля промакнул платком покрытый испариной лоб и зачем-то поправил и без того идеально сидящий на рубашке бейдж с надписью «**AINGERY, administrador**». – Горничная, Лаура.

– Пригласите ее сюда.

– Да-да, конечно. А я... вам больше не нужен?

Вид у Аингеру был неважнецкий – того и гляди в обморок хлопнется, оно и понятно: изголовье кровати и стенка душевой кабинки заляпаны кровью и мозговым веществом; стенам номера тоже досталось, и выглядят они так, будто кто-то облил их красной анилиновой краской из пульверизатора. Стошнить от всего этого малоаппетитного зрелища может кого угодно, даже выдавшего виды полицейского, что уж говорить о гостиничном персонале?..

Бедняга Аингеру, он с трудом подавляет в себе рвотные позывы, хотя и производит впечатление крепкого и здорового парня, отнюдь не слизняка. А инспектору Субисаррете еще предстоит разговор с женщиной, горничной по имени Лаура. Она, поди, и рта раскрыть не сможет от ужаса или – паче того – хлопнется в обморок. А падать здесь особенно не на кого, исходя из размеров одноместной клетушки.

Либо на самого Икера, либо на труп.

– Пока нет. – Инспектор ободряюще кивнул несчастному

администратору «Пунта Монпас». – Но вы наверняка понадобитесь. Чуть позже. Так что я не прощаюсь.

– Я буду на ресепшене. – Аингеру судорожно сглотнул и снова поднес платок ко лбу. – А Лаура сейчас подойдет.

...Вопреки ожиданиям Субисарреты, ни в какой обморок горничная падать не собиралась. И довольно охотно раскрыла рот, чтобы почти не закрывать его на протяжении получаса. *Чрезвычайно обходительный молодой человек, и жаль, что с ним произошло такое несчастье, очень, очень жаль,* – с порога заявила Лаура, выпустив из глаз целый поток слез. Которые почему-то показались Икеру крокодиловыми, поскольку существовали отдельно от маленьких, цепких и колючих глаз. Слишком маленьких для такого обширного лица. Для огромной картофелины, по недоразумению прилепленной в месте, где должен был находиться нос; для свернувшейся в кольцо холодной змеи, довольно удачно исполняющей роль рта.

Или речь идет о двух змеях поменьше, соединенных между собой головами и кончиками хвостов? О двух реликтовых червях, прорывших ход напрямиком из позднего мезозоя? – Икер еще не решил, на чем именно остановиться.

Червивые губы Лауры не слишком-то ему нравятся.

– Когда вы обнаружили тело?

– А сколько сейчас времени? – вопросом на вопрос отвечает горничная.

– Без трех девять.

– Ну так вот, еще восьми не было. Я сразу же сообщила о случившемся этому недотепе Аингеру. Сразу же. Я даже в комнату не входила...

– С порога поняли, в чем тут дело?

– И понимать особо не пришлось. Кровища по стенам, вся подушка ею залита, здесь и последний дурак смекнул бы, что к чему...

И дурак бы, да. А горничная – совсем не дура, про таких говорят: выйдет сухой из воды, что предполагает наличие немаленького жизненного опыта и особую хватку. Лаура – не басконка и даже не испанка, об этом можно судить по чудовищному акценту: слова, выползающие из змеиного гнезда, подогнаны неплотно, как доски в сколоченном наспех заборе. Разнокалиберные доски, разношерстные: тут и подгнившие древесные стволы, и занозистые, плохо обработанные плашки, и краденые верстовые столбы, и коринфские колонны... Сквозь огромные щели просматривается не слишком-то веселый, местами скудный пейзаж. Оставленный когда-то ради грязных простыней в «Пунта Монпас», ради несмытых окурков в унитазе и забившихся в раковину чужих волос.

Кто она, Лаура?

Румынка, боснийка, болгарка?..

– ...Целый день на дверях болталась табличка «Не беспокоить», – продолжает Лаура.

– А около восьми?

– Около восьми ее не стало. Вот я и открыла дверь... В номере нужно было прибраться, пока постояльца нет. Тут-то я увидела всю эту кровящую... И сразу отправилась за Аингеру, ни секундошки не медлила...

– Так прямо и ни секундошки? Увиденное вас не потрясло?

– Я в своей жизни и не такое видала, уж поверьте. В той стране, откуда я приехала, кровь – что вода...

– Откуда же вы приехали?

– Косово. Слыхали про такое?..

Когда-то там шла война, вот и все, что известно Икери о Косово, и он вдруг чувствует легкий укол стыда за свое относительно благополучное существование. Это все Лаура, ее острые глаза: они скребут душу инспектора подобно наждачке. Вот чего хочет горничная: вызвать у Икера сочувствие, переключить его внимание с одного-единственного трупа на множество других; ими завалена незнакомая Субисаррете война. Еще секунда – и две змеи, отклеившись от лица Лауры, вползут Икери в уши, нашептывая об ужасах косовской бойни.

И красная пижама по сравнению с этими ужасами – ничто.

Лаура вовсе не так проста, какой кажется на первый взгляд, какой пытается представить ее небрежно вытесанное лицо. Но и инспектора не проведешь, за двенадцать лет службы в криминальной полиции он многое перевидал. И такие вот дамочки – не исключение. Наивно пытаются раз-

жалобить, чтобы...

Чтобы – что?

Еще пять минут назад она оплакивала печальный конец совершенно незнакомого ей мужчины, и это как будто бы говорит о ее впечатлительности и тонкой душевной организации. Но много переживший (в том числе и войну) человек не станет так затрачиваться на чужую, никак к нему не относящуюся смерть. Или внутри Лауры сидит кто-то еще? Кто-то очень ранимый, возможно, маленькая девочка, девушка, *довоенная Лаура*, с волосами не такими сальными, как у Лауры-горничной, и толстых седых нитей в них еще нет. Зато есть другие нити: именно по ним слезы карабкаются к глазам и выбираются наружу. И что-либо поделать с ними твердокаменная Лаура-горничная не в состоянии.

– ...Значит, в номер вы не входили?

– Мой деверь работает в полиции, в Приштине. Так что я знаю, что к чему. Вдруг еще наслезу ненароком, а лишние следы вам не нужны, ведь так?

– Допустим, – вынужден согласиться Субисаррета. – И ничего подозрительного возле самого номера вы не заметили? Может быть, человека, выходящего из двери?

– Нет. Ничего такого не было. Да и не моя это работа – следить за дверями. Следить за людьми.

– Но кто-то же снял табличку?

– Думаете, убийца? – Для просто горничной Лаура проявляет завидную сообразительность. Или она многое почерп-

нула из полицейской практики своего приштинского деверя.

– Вряд ли в планы убийцы входило, чтобы труп обнаружили так скоро. Ведь если бы табличка продолжала висеть, никто бы в номер не вошел, не так ли?

– Так и есть.

– А когда вы в последний раз видели постояльца живым?

– Точно мне не вспомнить... Погодите... Вчера была не моя смена... Кажется, позавчера. Позавчера утром. Я как раз закончила прибираться в соседнем номере, а он выходил из своего. Тогда еще у меня упало полотенце, а он его поднял.

– Из этого вы сделали вывод, что он – обходительный юноша?

Глаза Лауры на секунду стекленеют: уж не сболтнула ли она лишнего? не слишком ли перегнула палку с эпитетами в адрес постороннего? В адрес клиента отеля, к которым обслуживающий персонал, как правило, равнодушен. Если речь не идет о щедрых чаевых.

– Разве я сказала – «юноша»? «Молодой человек» – вот как я сказала. Примерно вашего возраста.

– Мне тридцать пять.

– Все едино, для меня вы – молодые люди.

Лауре – далеко за сорок, и ее точка зрения вполне имеет право на существование, вот только Икер не желает иметь ничего общего с трупом в пижаме, хотя бы речь шла и о возрасте. Он предпочел бы, чтобы трупа не было вовсе или он материализовался совсем в другом месте, за которое Икер не

несет никакой ответственности. В Бильбао, в Ируне, в соседнем напыщенном Биаррице, спел ли Бенсон свой бессмертный хит или нет?

В любом случае Икеру Субисаррете не суждено его услышать.

И «Marvin said» волей-неволей придется заменить на «Laura said».

– А третьего дня, – говорит Лаура, – он попросил меня об услуге.

– Кто?

– Постоялец.

– И какого рода была эта услуга?..

– Ну... Не знаю, поможет это делу или нет... Мне нужно было отнести записку в один тапас-бар¹ на улице Урбьета.

– Разве это входит в обязанности горничной?

– Это была личная просьба.

Меньше всего Лаура похожа на агента по особым поручениям. Да и молодые упругие ноги Аингеру справились бы с бутербродным заданием намного лучше. И намного, намного лучше было бы не доверять личных записок никому из посторонних, быть может, тогда душевая кабинка не оказалась бы заляпанной кровью, а инспектор Субисаррета слушал бы сейчас Джорджа Бенсона, а не подпирал бы стены одноместной клетушки в «Пунта Монпас».

Лаура совсем не так проста, как кажется, совсем.

¹ Тапас, пинчос (*исп.*) – закуски, маленькие бутерброды.

Ее цепкие наждачные глаза еще и умны; в период «Джазальдии» и без того буйное воображение Икера расцветает пышным цветом, – вот и теперь... Теперь ему кажется, что недюжинный ум горничной сродни пухлому телу, части которого то и дело вываливаются из трещащего по швам платья глаз. Ей самой хотелось бы совсем обратного – прикинуться простушкой, но швы не выдерживают напора, трещат и трещат...

Сам Икер не доверил бы ушедшей горничной даже стельки в его ботинки затолкать, но покойник, видимо, был о ней совсем другого мнения. И когда только он успел его составить?..

– Сколько вы уже работаете здесь, Лаура?

– Два года. А до этого работала в «Арризуле» и «Леку Эдер», а до этого – в нескольких отелях в Бильбао и отовсюду уходила с прекрасными рекомендациями... Прекрасными!

– Нисколько в этом не сомневаюсь.

– Правда, и таких конфузов со мной прежде не случилось...

– Что вы имеете в виду?

Лаура кивает массивным подбородком в сторону расprostертого на постели трупа и тяжело вздыхает.

– Ну, думаю, это вряд ли отразится на вашей репутации... Разве что на репутации отеля. Кстати, об отеле... Этот человек никогда не останавливался здесь прежде?

– Нет. Во всяком случае, я его не видела, а память на лица

у меня хорошая. Но вам лучше спросить об этом у администраторов.

– Так и сделаю. В какой именно бар вам нужно было отнести записку?

– Э-э... «Папагайос». Именно так.

– И о содержимом записки вы не имеете никакого представления?

То, что глаза Лауры прошлись по записке, – и к гадалке не ходи, все и так понятно. Непонятно только, зачем она вообще о ней упомянула? Неужели ей и впрямь небезразлична судьба мертвеца? Если отбросить маленькую довоенную русалку, сидящую в Лауре... Русалку, чьи слезы время от времени орошают безжизненное плато ее лица... Никакая судьба, даже самая печальная, не в состоянии задеть образцовую горничную. Разве что – ее собственная. Разве что – судьбы ближайших родственников: детей (есть ли у Лауры дети?), мужа (есть ли у Лауры муж или он пополнил список убитых на войне?). Сюда же можно приплюсовать деверя из Приштины и собаку (есть ли у Лауры собака?).

– У вас есть собака, Лаура?

– Что?

Икер и сам понимает, что сморозил глупость, но отступить некуда, иначе покажешься еще большим дураком.

– Собака...

– Я не люблю собак. Кошки – вот кто мне по душе. Вы почему спросили про собаку?

– Мне показалось, у вас должна быть собака... Большой такой пес...

– Я работаю по шестнадцать часов в сутки, так что мне не до собак. – В голосе Лауры слышна легкая укоризна. – А что касается той записки... Я прочла ее.

– Сунули в нее нос совершенно случайно, да? Кому она адресовалась?

– Никому.

– Как это «никому»?

– А вот так. – Лаура явно насмехается над замешательством инспектора, тянет время. Месть за идиотский вопрос о собаке, не иначе.

– Но вы же кому-то ее передали?

– Никому я ее не передавала. Всего-то и нужно было, что оставить записку на доске в «Папагайос». Знаете, в некоторых барах висят такие доски для всяких посланий...

– М-м... Примерно представляю. Пробковые?

– Именно! Кто бы отказался сделать это за двадцать евро? На жалованье горничной особо не разгуляешься, так что лишняя копейка никогда не помешает.

Ну конечно! Двадцать евро – именно такова стоимость входного билета в клуб «обходительных молодых людей». Мотивы Лауры абсолютно ясны, но мотивы пижамного покойника по-прежнему скрыты в тумане. Утоплены в луже крови, разлитой по подушке. Почему он сам не отправился в тапас-бар «Папагайос»? Почему нужно было привлекать к

этому третьих лиц? Тем более таких сомнительных, как физиономия Лауры...

– Так что же было в записке?

– Ничего особенного. Одна фраза. «Ургуль. Статуя Христа. Двадцать четвертое июля. Двадцать тридцать».

– И всё? Вы хорошо запомнили?

– На что-что, а на память я никогда не жаловалась, говорю же вам!..

– Именно «двадцать тридцать»?

– Да.

– Интересно, как человек, которому была адресована записка, понял бы, что это послание именно для него? Ни для кого другого...

– Вы у меня спрашиваете? – надменно интересуется Лаура.

– Нет. Просто рассуждаю вслух.

– А вот Арбен, мой приштинский деверь, обязательно бы спросил...

– И что бы вы ему ответили?

– Что то была не простая бумажка.

– Что значит «не простая»?

– Купюра, вот что это было! – Голос Лауры исполнен торжества. – Я таких купюр в жизни не видала, уж больно она цветастая. И до страны, где ею расплачиваются за фасоль и свежую рыбу, мне тоже не доехать.

– И... что это была за страна?

Именно такой вопрос задал бы неведомый Икери обстоятельный Арбен, от которого у Лауры нет никаких секретов. Всего-то и надо – хоть немного соответствовать приштинскому полицейскому, будь он неладен. Вот Икер и старается.

– Азиатская. С одной стороны... там, где было написано про Ургуль... какой-то храм с каменными змеями. С другой – корабли. Большие такие корабли... Камбоджа, так она называется, эта страна. А Камбоджа – это ведь в Азии, верно?

– Да.

– Так на купюре и было указано: Камбоджа. И цифрами – целая тысяча. Это больше двадцати евро или нет? Если в пересчете... – запоздало волнуется Лаура.

Уж не продешевила ли она?

Номинал камбоджийской купюры ни о чем не говорит Икери. Как и храм со змеями, а большие корабли есть везде. Достаточно заглянуть в порт Сан-Себастьяна, чтобы в этом убедиться. Про саму же Камбоджу он знает еще меньше, чем про Косово. Только то, что где-то в Азии есть такая страна. Бывал ли в ней с гастролями Джордж Бенсон?

Вряд ли.

Что касается покойного – инспектор Субисаррета вполне допускает такую возможность. От мужчины, скрывающего под дорогими костюмами мультяшную пижаму, можно ожидать чего угодно. Даже того, что он содержал набитый малолетними азиатскими цыпочками бордель или стриг купоны с сети сомнительных клиник по перемене пола. Возможно, си-

туаацию с ним прояснит кожаный портфель (там Икер надеется обнаружить документы, проливающие свет на личность убитого), а пока необходимо успокоить Лауру.

– ...Не думаю, что больше. С азиатскими деньгами всегда так – нули в них особого значения не имеют. Иногда от нулей в глазах рябит, а на поверку оказывается, что и простую зажигалку на них не купишь.

– А вы там бывали, в Азии?

Дважды Икер выезжал в Германию, один раз – в Голландию, один раз случились Доломитовые Альпы и еще один – Брюгге. Город, поразивший воображение Икера не меньше, чем выступление Би Би Кинга на одной из «Джаззальдий». Краткосрочные командировки в Германию и Голландию были связаны с работой, Доломитовые Альпы – с Альваро, лучшим и единственным другом, весело же они провели там время!.. Брюгге тоже опосредованно связан с Альваро, вернее, с его исчезновением. Икер отправился туда за собственный счет, в надежде разыскать его следы, но миссия успехом не увенчалась. А об Азии инспектор даже не помышлял, слишком уж она далека. Но что ответил бы деверь Лауры? Скорее всего – «да», чтобы поддержать полицейский авторитет.

– Бывал. И не раз.

– Говорят, там едят собак. Правда, что ли?

– Ну... Ходят такие слухи...

– А кошек?

«Джаззальдия» – вот что всему виной!.. Произойди убийство в другое время, а не в эти пять июльских дней, горничная «Пунта Монпас» увидела бы совсем другого Субисаррету. Она увидела бы профессионала, ведущего опрос свидетелей без всяких лирических отступлений. Который уж точно не позволил бы втянуть себя в бессмысленный треп о кулинарных жертвоприношениях. Даже думать неловко, как это выглядит со стороны, наверняка как застольная беседа Арбена и Лауры где-нибудь в его приштинском доме. На веранде, увитой плющом и воспоминаниями о войне, о которой и захочешь – не забудешь. Хорошо еще, что пока не приехали эксперты (вся *Cuerpo Nacional*² подняла бы его на смех), а двое низших полицейских чинов слишком далеко, чтобы скалить зубы. Один дежурит в конце коридора, а второй – и вовсе на ресепшене, так что осудить инспектора Субисаррету некому. Кроме Лауры – ведь сравнений с Арбеном не избежишь.

Но непохоже, чтобы Лаура осуждала, ей просто хочется прояснить судьбу несчастных азиатских кошек, только и всего.

– У кошек в Азии дела обстоят замечательно, никто их и пальцем не трогает. Они там вроде священных животных...

Инспектор не совсем уверен в священности кошек для азиатов, но старается придать своему голосу убедительность и весомость. Раз уж кошки – слабое место Лауры, имеет

² Криминальная полиция Испании.

смысл надавить и на него: не исключено, что выползут еще какие-то подробности относительно трупа в пижаме.

– Вот и славно! У нас в «Пунта Монпас» живут сейчас две чудесные кошки... В двадцать седьмом номере... Если пройти по коридору – третья дверь слева.

Субисаррета уже видел эту дверь – она находится чуть наискосок от номера двадцать шесть: того самого, где произошло убийство и в котором находится сейчас Субисаррета.

– Разве в отеле разрешают находиться с домашними животными? – удивляется Икер.

– Нет, это запрещено. Но... – Лаура заговорщицки улыбается и подносит палец к губам: – Кошки такие очаровательные! И их хозяйка – сушая прелесть. И ее дочурка – что твой ангелочек. Совсем как Флори, когда ей было семь...

Теперь в слезах Лауры нет ничего лживого; довоенная маленькая русалка, сидящая в ней, выросла и успела поседеть, они – одно целое, из которого вырвана существенная, может быть, главная часть – Флори. Незаживающая рана по имени Флори, слезы стекают по щекам горничной и сбиваются в стаю на подбородке; что случилось с Флори после того, как ей исполнилось семь?..

Идущая где-то за стенами отеля «Джаззальдия» определенно размягчает сознание и делает Икера сентиментальным.

– Флори?..

– Арбенова младшенькая, очень уж мы ее любили. Про-

сто обожали, это не девочка была, а ясное солнышко! А как она улыбалась, как ластилась ко всем... Бывало, бежит ко мне навстречу, раскинув руки, и хохочет, хохочет! Обнимает меня и в сумку заглядывает: «Что ты мне принесла, тетя Лаура?» И глаза при этом хитрющие-хитрющие!..

Малютка Флори еще дальше от трупа, чем кошки, а Лауру не остановить. И слезы текут по ее лицу, их поток не иссякает: младшая дочь Арбена погибла при артобстреле, по дороге из Приштины в Тирану, куда Арбен вывез всю семью, спасая ее от войны. Останься они в Приштине, о-о... *звать бы, где соломки подложить...* останься они в Приштине, Флори была бы жива и выросла бы красавицей, и сейчас бы своих детей нянчила, это уж непременно, это – как Отче наш...

Между Флори и парнем в пижаме лежит целая пропасть, хотя оба они мертвы. И Икер все еще не знает, как перекинуть мостик между ее краями и снова заманить Лауру в сегодняшний день, не особенно ранив ее родственные чувства. В другое время он и заморачиваться этим не стал бы, но только не в период нежной «Джаззальдии»...

– Вы уж простите меня, инспектор, – совершенно неожиданно Лаура сама приходит ему на помощь. – Иногда так бывает – накатят воспоминания в самый неподходящий момент, и ни за что от них не отделаться. Особенно если воспоминания – единственное, что у тебя осталось.

– Я понимаю, Лаура.

– Ну а что касается парня, я сообщила вам все, что знала.

– Если вспомните что-то еще... Даже если это «что-то» покажется вам несущественным... Обязательно позвоните мне.

– Уж будьте уверены. Только не думаю, что вспомню больше, чем уже рассказала.

Прежде чем сунуть визитку в нагрудный карман блузки, Лаура некоторое время изучает ее, а Икер в который раз думает, что давно пора сменить легко мнущийся кусок картона уныло-болотного цвета на что-нибудь более удобоваримое. Что вызывало бы у тех, кто заполучит его, чувство невольного уважения. Что было бы написано на такой визитке?

ИКЕР СУБИСАРРЕТА – похититель снов.

ИКЕР СУБИСАРРЕТА – скаут и небесный охотник.

ИКЕР СУБИСАРРЕТА – машинист поезда на Чаттанугу.

...Тьфу ты черт! Это все «Джаззальдия»! Это она путает мысли инспектора, запускает ос в его несчастную голову. Ну вот, снова Альваро со своими осами... Почему в период «Джаззальдий» Икер Субисаррета все чаще вспоминает о нем? Ведь никакого отношения к джазу Альваро не имеет. Альваро был его лучшим другом, но не был ни джазменом, ни полицейским, и после той поездки в Доломитовые Альпы они почти не виделись. Кажется, Альваро переживал не самые лучшие времена, тогда бы Икеру и следовало подставить ему плечо, поддержать и приободрить. И почему только он этого не сделал?

Работа.

Работа у полицейского инспектора никогда не кончается. Мусорные кучи, сплошь состоящие из человеческих отбросов, невозможно разгрести до конца, все время подвозят что-нибудь новенькое, еще более дурнопахнущее. Вот Икер и прощелкал момент, когда можно было помочь Альваро.

Закопался в дерьме.

А Альваро был художником. Художники живут в мире, где дерьма не сыщешь по определению. Художников окружают красивые ландшафты и красивые женщины. И даже если женщины не слишком красивы, а ландшафты – оторви и брось, художник сделает так, что отвести от них глаза будет невозможно: иначе картину не продашь.

А Альваро продавал свои картины частенько, он никогда не был стеснен в средствах. Поездка в Альпы несколько раз откладывалась только потому, что Икер никак не мог собрать на нее достаточно денег, а отправиться туда за счет Альваро... Увольте, нет! Они как-то даже поссорились из-за этого Икерева ослиного упрямства. Альваро тогда вспылил: *какие счета могут быть между друзьями, которые знакомы с детства? Отдашь деньги, когда сможешь, когда считаешь нужным.* Но Икер был непреклонен, и Альваро отступил, терпеливо дождался, когда инспектор наскребет нужную сумму. Альваро всегда был чутким, всегда был нежным, даже слишком нежным, по мнению Икера, но он – художник, и это все объясняет.

Все, за исключением таинственного исчезновения в Брюгге.

* * *

Брюгге предшествовала поездка в Овьедо, куда Альваро вырывался хотя бы раз в год, потому что именно там всегда находил отдохновение. И вдохновение тоже, оно поджидало его на узких, чисто вымытых улочках и среди чисто вымытой листвы. Оно было разлито в кристальном до синевы горном воздухе – чуть дрожащем и влажном. *Овьедо – самый чистый город в мире*, – утверждал Альваро, – *чистый во всех смыслах этого слова*.

Может быть, все его неприятности начались после последней поездки в Овьедо? Хотя и неприятностями это не назовешь: Альваро просто замкнулся в себе. Закончились их субботние вечера в барах на набережной, а ведь это был почти ритуал. И если что и могло нарушить ритуал, так только занятость самого Субисарреты. И вот поди ж ты, от субботы за кружкой пива стал отнекиваться сам Альваро, и причины находились самые смехотворные. Тут бы Икеру настрожиться, вытянуть из старого друга, чем он так озабочен, но...

К друзьям стандартные методы ведения допроса неприменимы.

Уж не этим ли успокаивал себя инспектор?

«Захочет – сам расскажет», – решил тогда Икер, но Альваро молчал. Лишь однажды позвонил посредине недели, в среду, а вовсе не в пятницу, предшествующую ритуальной субботе.

– Как насчет увидеться сегодня? – спросил Альваро.

– Случилось что-то?

– Может быть, случилось, а может, и нет. Нужно поговорить.

– До субботы разговор не терпит? У меня дела.

– Послезавтра я уезжаю в Мадрид, у меня открытие выставки...

Дела у полицейского инспектора сыщутся всегда, и всегда можно задвинуть их, разве что на голову вдруг упадет срочный вызов на место преступления. А томный вечер среды никаких вызовов не предполагал – и в криминальной среде случаются затишья, – зато в планах стоял матч Лиги чемпионов между «Барселоной» и «Манчестером». Икер Субисаррета – вовсе не футбольный фанат (достаточно того, что он – фанат джаза), но Лигу чемпионов не пропускает даже он. Альваро же, несмотря на всю свою расслабленную нежность, напротив, намертво прилипает к телевизору, когда на экране появляется его обожаемая «Барса». И хотя это чудовищно непатриотично по отношению к «Реалу Сосьедад», за который в Сан-Себастьяне болеет каждая собака, он несколько раз специально ездил на «Камп Ноу»³ – лишний раз взгля-

³ Домашний стадион «Барселоны».

нуть на Пуйоля, Иньесту, Хави и Виктора Вальдеса. И променять матч Лиги чемпионов на разговор – пусть и с лучшим другом... Представить такое Икер не в состоянии.

Может быть (невероятно, но факт), Альваро просто забыл?..

– Сегодня Лига чемпионов, – осторожно напомнил он Альваро. – «Барса» – «Манчестер»...

Никакого особого оживления на том конце телефонной трубки не возникло.

– Можем посмотреть матч вместе... В спортивном баре у Хавьера... Заодно и поговорим.

– Там слишком шумно, у Хавьера. И поговорить мы не сможем.

О чем бы ни был разговор – он требует тишины, а ведь она никогда не была главным условием их встреч с Альваро. Достаточно было их двоих, а теперь потребовалось нечто третье, с чего бы вдруг? В этот самый момент Икер и наострил ухо. И тут же предложил компромиссный вариант:

– Что, если перенести разговор на после матча?

– Может быть. Только скажи мне одну вещь... Ты ведь полицейский инспектор, так?

– Вот ты и сподобился узнать, где я работаю. Не прошло и полутора десятков лет!

Не слишком удачная шутка, но таков уж инспектор Субисаррета в период спячки, длящейся от «Джаззальдии» до «Джаззальдии»: не самый остроумный на свете человек. И

с юмором у него туговато, в противовес Альваро. Альваро может изящно пошутить и выдать фразу, больше похожую на афоризм кого-нибудь из давно умерших великих. И неуклюжая шутка Икера ни за что не осталась бы безнаказанной, ни за что...

Только не в этот раз.

– Я знаю, где ты работаешь, потому и обращаюсь к тебе. Скажи, ты мог бы найти человека?

– В принципе?

– В принципе найти может любой и любого. Имея на руках определенную информацию. Но я говорю о частностях, которые существенно затрудняют поиск.

– То есть... Определенной информацией ты не обладаешь?

– Не обладаю.

– Но ею могу обладать я? – ввернул Икер первое, что пришло в голову. – Вернее, человек, связанный с полицией... И тот, кого ты намереваешься найти, попадал в ее поле зрения?

– Да нет же! – Альваро как будто даже рассердился на непонятливость Икера. – Поле зрения полиции здесь совершенно ни при чем. Может ли полицейский инспектор найти человека по имени?

– Только по имени? Или есть еще и фамилия?

– Тогда все было бы слишком просто, тогда и разговора бы не возникло.

– А кроме имени есть еще что-то?

– Образец почерка...

– Вряд ли это поможет делу... Речь идет о какой-то расписке? – Почему в голове Икера вдруг забрезжила странная идея с распиской?

Альваро перестал быть похож сам на себя – вот почему. Не связано ли это с какой-нибудь малоприятной историей, вроде той, что обычно случается с доверчивыми интеллектуалами? И вообще – творческими людьми, не способными отстаивать свои интересы в одиночку. Если приглядеться, в окружении таких людей обязательно найдутся не только женщины, пейзажи и друзья-полицейские, но и парочка мошенников, готовых погреть руки на чужом таланте. Когда-то у Альваро был агент, некий Рамон Гонсалес, мутный тип, вызывавший у Икера стойкую неприязнь: блудливые маленькие глазки, вечно мятые костюмы, дешевые галстучные закладки и перстень на мизинце – он делал Рамона похожим на мафиози средней руки. Из тех, что пожизненно отсиживают в тюрьмах вместо своих боссов. А то, что по прощелыге Рамону плачет тюрьма, стало ясно после того, как всплыли его махинации с переводом денег от проданных картин. Но устраивать скандала Альваро не стал, ограничившись разрывом деловых отношений, и с тех пор вел свои дела сам.

– Тебя кто-то надул? – напрямую спросил Икер.

– Господи, о чем ты? Что за идиотские предположения?

– Тогда толком объясни мне, в чем дело, чтобы идиотских предположений не возникало.

– Это не телефонный разговор.

– Можем увидеться после матча, – сдался наконец Субисаррета. – Если не хочешь у Хавьера, найдем место поспокойнее, и ты мне все расскажешь.

– Отлично. Я перезвоню.

Но Альваро не перезвонил.

Несмотря на обещание и даже несмотря на то, что «Барса» нащелкала «Манчестер» по носу. Молчание Альваро было тем более странным, что именно он являлся инициатором встречи. Засунув в задницу смутное недовольство происходящим, Икер решил отзвониться сам, но ответом ему служили лишь длинные гудки. Выслушивать их у Икера не было никакого желания, да и объяснение телефонному молчанию всегда найдется: поговорив с другом, Альваро вполне мог вернуться в мастерскую, она служила продолжением его большой запущенной квартиры на улице Сан-Роке. Такой вариант не только не исключается, он – самый вероятный из всех возможных.

Успокоив себя столь нехитрым способом, Икер отправился спать, мысленно сделав ставку на то, что Альваро объявится через час-другой, максимум – завтра с утра.

И – проиграл.

Утро четверга закончилось и плавно перетекло в день, но вестей от Альваро все еще не поступало. И лишь ближе к четырем, когда Икер, слегка подавленный ежедневной бумажной рутиной, и думать забыл о вчерашнем нелепом разгово-

ре, Альваро наконец позвонил.

– Вчера я кое о чем тебя просил... – сказал он.

– Я помню.

– Забудь об этом.

– Что-то случилось?

– Может быть, а может быть, и нет...

– Может быть, все-таки объяснишь, что происходит?

– Когда вернусь.

– Из Мадрида?

– Из Брюгге.

– А это где – Брюгге? – Икер даже не попытался скрыть удивления.

– В Бельгии.

– Странно... Ты же говорил, что в пятницу должен быть в Мадриде. У тебя вроде бы открывается выставка и все такое...

– Да? – теперь уже удивился Альваро.

– А теперь вдруг всплыл какой-то Брюгге... С тобой все в порядке?

– Более чем... Поэтому я и улетаю в Брюгге. Через полчаса.

– А Мадрид?

– К черту Мадрид! Мне нужно быть в Брюгге, и я там буду – в Брюгге...

– Это как-то связано с тем именем? С образцом почерка? – В Икере неожиданно пробудился полицейский инспек-

тор.

Кажется, Альваро еще что-то сказал ему, но из-за шума и электронных голосов на том конце провода (объявляли посадку на какой-то рейс) он так и не услышал – *что именно*. Впоследствии, уже после того, как Альваро пропал, затерялся в крошечном, как доска для карманных шахмат, Брюгге, Икер так и не простил эти чертовы электронные голоса. Основная часть вины лежала на них, из-за них Субисаррета, возможно, не услышал самого главного. Чего-то такого, что пролило бы свет на последующее исчезновение. Но тогда он просто проорал в трубку:

– Что-что? Повтори!..

– Мне пора, я позвоню из Брюгге. Может быть...

– А может быть, и нет, – проворчал Икер. – Позвони хотя бы когда вернешься...

Альваро не вернулся.

Он не позвонил ни из Брюгге, ни из какого-либо другого места. Никто и никогда больше не видел художника Альваро Репо€льеса, нигде. Ни живым, ни мертвым. Два дня, взятые Икером за свой счет и проведенные в чертовом Брюгге, тоже ничего не дали. Доподлинно было известно, что, прибыв в этот средневековый городишко, он поселился в пансионе с претенциозным названием «Королева ночи», больше соответствующим борделю, чем гостинице. Владелица пансиона, полусонная фламандка средних лет, долго не могла взять в толк, чего хочет от нее симпатичный молодой чело-

век из Сан-Себастьяна и почему он трясет перед ее носом полицейским удостоверением. *Такие штуки со мной не пройдут*, – заявила хозяйка, – *это Брюгге, а не какой-нибудь виш-вый Чикаго, так что засунь свою бумажку подальше, сынок.*

И лишь когда Икер последовал ее совету и отпустил пару дешевых комплиментов «Королеве ночи», согласилась поговорить.

Да, человек по фамилии Репольес останавливался здесь полгода назад, она хорошо его запомнила, *и на фото – он самый, только прическа другая.*

– Чем-то похож на вас, – сказала фламандка и, пожевав губами, добавила: – Все южане похожи. И все северяне похожи. А Брюгге – это Брюгге. Он ни на что не похож.

– Вернемся к сеньору Репольесу... А потом уже поговорим о Брюгге.

– Отчего же не вернуться. Давайте вернемся.

– Почему вы его запомнили? Он вел себя как-то... – тут Икер задумался, подбирая нужное слово, – ...необычно?

Хозяйка «Королевы ночи» тоже задумалась, мучимая сходной проблемой: подобрать нужное слово, снимающее как минимум с десятков ненужных вопросов.

– Он... выглядел счастливым, – наконец произнесла она и покачала головой.

– Это как?

– Не знаете, как выглядят счастливые люди?

– Я ведь не живу в Брюгге, – мелко польстил Икер.

– Ну да, бедный вы бедный... Вы никогда не были влюблены?

– А он был влюблен? – Субисаррете все-таки пришлось задать ненужный вопрос. – Встречался здесь... с какой-нибудь девушкой?

– Откуда же мне знать, был ли он влюблен. Но с девушкой он здесь не встречался. И ни с кем другим тоже. Переночевал, но не позавтракал, потому что спешил. Спросил у меня только, где находится башня Белфорт, и все.

– Но вы почему-то решили, что он влюблен.

– Ничего подобного. Я просто сказала, что он выглядел счастливым. А про то, что влюблен, – это чтобы вам, южанам, было понятнее. Все южане счастливы, когда влюблены.

– А северяне? – Еще один ненужный вопрос.

– Ну, северяне не такие романтичные. Если северянину жмут ботинки и предоставляется возможность скинуть их – чем не повод для счастья?

– Действительно... Так сеньор Репольес был ближе к влюбленности или все-таки к ботинкам?

– Думаю, это было что-то третье. Хотя мне как женщине хотелось бы думать, что он влюблен. Влюбленные люди нравятся мне больше, чем все остальные. Вы не женаты?

– Нет.

Я даже не влюблен и терпеть не могу разговоров о всякой там любви, – хотелось бы добавить Икери, но кто их знает, этих странных жителей Брюгге? Вдруг они так же романтич-

ны, как южане?..

– Когда вздумаете жениться и будете выбирать место, где бы провести медовый месяц... Лучше Брюгге вам не сыскать.

– Я уже понял это... Значит, сеньор Репольес интересовался башней Белфорт? Это какое-то особенное место?

– В Брюгге все места – особенные. И башня, и ратуша, и церковь Святой крови Христовой... Да что уж тут говорить!.. Вы и сами все увидите, когда прогуляетесь по городу.

– Обязательно прогуляюсь, как только закончу все дела... Он больше не возвращался в «Королеву ночи»?

– Кто?

– Сеньор Репольес.

– Нет.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Даже для того, чтобы забрать вещи? Или он отправился к башне Белфорт с вещами? С чемоданом, с дорожной сумкой...

– Почему вы ищете его? – Хозяйка понизила голос до шепота. – Он совершил что-то? Преступление?..

– Нет, никакого преступления он не совершал. Он – мой друг. Я просто ищу своего друга, от которого нет вестей уже полгода. Я здесь как частное лицо.

– Господин Репольес должен мне небольшую сумму за проведенную здесь ночь. Сорок евро ведь не слишком обре-

менительная плата за удобства и чистую постель?

Заплатить сорок евро за ночь не составит труда даже для Икера, не говоря уже о таком состоятельном человеке, каким был Альваро Репольес. И почему, кстати, он остановился в сомнительном пансионе, а не выбрал гостиницу подороже? С тем уровнем комфорта, к какому привык? Вот черт... Почему «был»?..

«Королева ночи» неожиданно оказалась тем самым местом, в котором инспектор впервые подумал об Альваро в прошедшем времени. И если быть совсем уж точным, мысль выглядела так: «Альваро больше не стоит искать среди живых». Она была мимолетной, эта крамольная мысль, и Икер тотчас же попытался откреститься от нее. Оттолкнуть подальше, как отталкивают полуразложившийся труп кошки, случайно наткнувшись на него в темноте. Мысль об Альваро-мертвеце и пахла так же дурно. Как полуразложившийся кошачий труп. Икер даже затаил дыхание, чтобы вонь не шибала в нос, хотя над маленьким холлом «Королевы ночи» витал довольно приятный жасминовый дух.

Освежитель воздуха, не иначе.

– Правда, за полгода успели набежать проценты...

– Что?

– Небольшие. Скажем, сумма в семьдесят пять евро меня вполне бы удовлетворила. Здесь, в Брюгге, мы не какие-нибудь крохоборы. И чужого нам не надо, но наше кровное – вынь да положь. И не говорите мне, что я неправа. Тем более

что ваш друг отправился к башне налегке. А его вещи так и остались в номере.

– Хотите сказать, что...

– Они и сейчас здесь. Лежат у меня в чулане. Вы, наверное, хотели бы их осмотреть, не так ли?

– Если это возможно.

– Вам придется выложить семьдесят пять евро. Не за его вещи, а за ночь, которую он не удосужился оплатить.

– Но...

– И не надо больше пугать меня полицейским удостоверением. Вы здесь не при исполнении, а как друг господина Репольеса. Вы сами об этом сказали, я не тянула вас за язык.

– Хорошо, – вздохнул Икер. – Расплатиться карточкой можно?

– Предпочла бы наличные. И скажите спасибо, что я не выставила его сумку за порог.

После того как расчет был произведен, Икер остался наедине с вещами Альваро в маленьком чулане под лестницей. Впрочем, «вещи» – это сильно сказано. Тусклая лампа под потолком освещала небольшой дорожный саквояж, хорошо знакомый Субисаррете по поездке в Доломитовые Альпы. Правда, тогда к саквояжу прилагался внушительных размеров чемодан и лыжи в чехле. А нынешнее одиночество саквояжа говорило лишь о том, что Альваро не собирался задерживаться в Брюгге дольше, чем на несколько дней. И вещи, в нем лежащие, лишь подтверждали очевидное:

- кашемировый свитер,
- джинсы,
- пара белья,
- футбольный журнал «Don Balón» с вратарем Икером Касильясом на обложке – гораздо более удачливым и знаменитым, чем его тезка Субисаррета,
- небольшой пухлый блокнот с эскизами.

Блокнот несколько не удивил инспектора: Альваро всегда возил с собой блокноты, потому что всегда что-то зарисовывал, его руки ни минуты не оставались в покое. В комплекте с блокнотами обычно шли простые мягкие карандаши – Икер обнаружил и их (в мягком пенале во внутреннем кармане саквояжа). Но не хватало еще чего-то. Без чего Альваро не был бы Альваро.

Рубашки!

Рубашки и еще носки. И то, и другое Альваро менял по несколько раз на дню, но в саквояже не обнаружилось ни рубашек, ни носков. Ни одной завалящей пары. И его походного «Cristobal pour Homme» от Баленсьяги тоже не было, зато нашелся флакон с надписью «**Cuir Mauresque**». Что ж, со времен Доломитовых Альп Альваро вполне мог сменить парфюм, вот только неизвестные Икери «**Cuir Mauresque**» были явно женскими духами. Чуть тяжеловатыми, терпкими, с привкусом мускуса и кожи, и все равно – женскими.

И флакон оказался наполовину пуст.

С каких это пор Альваро стал пользоваться бабскую парфю-

мерию?.. С тех пор, как отдалился от верного друга Икера Субисарреты в поисках человека, чье имя даже не захотел произнести? С тех пор, как ему стали тесны ботинки и он не нашел лучшего места, чем Брюгге, чтобы их снять?..

Скрипнувшая за спиной дверь заставила Икера вздрогнуть. Чертова фламандка, всюду ей нужно сунуть свой нос!

– Все в порядке? – поинтересовалась хозяйка «Королевы ночи», шумно втянув ноздрями воздух.

– Больше вещей не было?

– Здесь то, что я выудила из его номера. Были еще бритвенный станок и зубная щетка, их я положила во внешний боковой карман.

– Саквояж я забираю с собой.

– Забрать его может только хозяин. Ну, или полицейские при предъявлении соответствующих документов.

– Я же предъявил...

– Вы сказали, что вы здесь как частное лицо. И одного удостоверения недостаточно, тем более нездешнего, в нем сам черт ногу сломит! Нужны еще кое-какие бумажки. Мы в Брюгге знаем законы, нас не проведешь.

– Я и не собирался, – проворчал Субисаррета, незаметно сунув в карман блокнот Альваро.

– Чем это здесь пахнет?

Запоздалая реакция патриотки Брюгге на «Cuir Mauresque» застала Икера врасплох:

– Понятия не имею.

– Вроде духами, нет?

– С обонянием у меня не очень, – соврал Субисаррета и застегнул молнию на саквояже.

Прощайте мускус и кожа, прощай везунчик Касильяс с обложки. И мягкие карандаши – прощайте! Неизвестно, увидит ли их еще кто-нибудь, кроме бдительной хозяйки «Королевы ночи». И самое главное – увидит ли их сам Альваро?

Для этого ему нужно вернуться в Брюгге.

Бритвенный станок, джинсы и кашемировый свитер не такая уж большая потеря для человека, любая из картин которого стоит столько, сколько Икери и за год не заработать. И пес с ним, с дорожным саквояжем, пусть только Альваро вернется.

Хоть куда-нибудь.

– Опасный запах, – неожиданно сказала хозяйка.

– Опасный?

– У нас в Брюгге так иногда пахнет вода под мостами. В Брюгге ведь куда ни кинь взгляд – везде мосты...

– Да, я успел заметить. Вот только не могу взять в толк, при чем здесь опасность.

– Утопленники.

– Утопленники?

– Иногда они всплывают. И в том месте, где они всплыли, вода пахнет именно так.

В неверном, дрожащем свете и сама фламандка на секунду показалась Икери утопленницей. Метаморфоза тем более

поразительная, что до этого она напоминала хрестоматийную, пышущую здоровьем пейзажку, не хватало только чепца и подойника. А вот поди ж ты, на румяные щеки взбежала зелень, в гладко причесанных волосах закопошились морские, жрущие плоть черви; и губы... Теперь это были и не губы вовсе – створки раковины: из тех раковин, что обычно налипают на днище кораблей. Острые края створок терлись друг о друга, издавая неприятный скрежет, и каждое слово, пропущенное через них, выползло наружу с содранной кожей и приобрело зловещий смысл. Икер даже потряс головой, чтобы избавиться от наваждения.

– И часто у вас... случаются утопленники?

– Последнего выловили месяцев пять назад, под мостом Деревянных башмаков. Пять или около того.

Пять месяцев назад! А со дня исчезновения Альваро прошло полгода. И если бы именно его нашли под мостом с совершенно идиотским названием, то... Где он пропадал еще месяц, без кашемирового свитера, но главное, без своих карандашей и блокнота?..

– И он был свежим, этот утопленник, я сама видела. – Створки раковины распахнулись в подобии улыбки.

– Свежим?

– Пролежал в воде не больше двух суток, так сказали знающие люди.

– И... кто это был? – Икер затаил дыхание.

– Пришлый человек. Турист или что-то в этом роде. Но

не южанин, как вы. И как господин Репольес.

Хоть какое-то утешение.

– Бледный, как поганка. Со светлыми волосами. Вы можете справиться о нем у полиции. А за пару недель до этого утонул бедняга Андрес. Его я знала, он держал кофейню в квартале отсюда. Теперь там всем заправляет его брат Питер, и дела идут все хуже. А все потому, что Андрес был умником, а Питер – самый настоящий осел. А еще поговаривают, что Андрес влюбился в какую-то женщину... Она всего лишь зашла выпить кофе, и вот пожалуйста, такие последствия! Никто толком не успел разглядеть эту дамочку, но только Андрес стал сохнуть прямо на глазах. А потом и вовсе свел счеты с жизнью. Хотя особо впечатлительным человеком я бы его не назвала... Любовь иногда проделывает с людьми страшные штуки, милый мой.

Страшные штуки.

Опасные, как мускус из флакона «**Cuir Mauresque**», намертво приклеившийся к коже инспектора.

Городские сплетни полугодичной давности не слишком-то интересуют Субисаррету, но в этом есть и положительный момент: наваждение кончилось. От червей и ракушечных створок не осталось и следа, на лице фламандки снова играет безыскусный здоровый румянец, – что ж, пора выбираться из чулана на свет божий и заняться наконец башней Белфорт и окрестностями.

– И знаете, что я вам скажу? От Андреса в последние дни

его жизни пахло так же, как от воды под мостами.

Час от часу не легче, коренные жители Брюгге, несмотря на наплыв туристов с ноутбуками, фотоаппаратами и мобильными телефонами, все еще пребывают в мрачном, опутанном суевериями Средневековье.

– И от вас идет тот же запах.

– Я не понимаю...

– Берегите себя, вот и все, что я хочу сказать. Вы долго пробудете в Брюгге?

– Пару дней.

– Не хотите остановиться в комнате, которую занимал ваш друг? Как раз сейчас она свободна, так что можете оставить там свои вещи. Больше, чем с господина Репольеса, я с вас не возьму.

Интересно, речь идет о сорока евро или о семидесяти пяти, уже уплаченных Субисарретой? Инспектор напряженно думает о цифрах, лишь бы не думать о воде под мостами. О ее запахе, который хозяйка назвала «опасным». Это было еще до того, как ее губы превратились в створки мертвой раковины, и неизвестно, как выглядело бы слово «опасный», пропущенное через острые, зубчатые края.

Сними кожу с опасности, сдери продубленную шкуру – что останется в итоге?..

Вещей у инспектора еще меньше, чем у Альваро, а дорожный саквояж заменяет маленькая спортивная сумка через плечо. И из всех туалетных принадлежностей в наличии

имеется только зубная щетка, даже бритвенного станка он не прихватил.

Сорок евро или все же семьдесят пять?..

– Как мне найти башню Белфорт?

– Дойдете до Рыночной площади, это в десяти минутах отсюда. Там башня и стоит последние семь столетий. Так мне придержать для вас номер?

«Королева ночи» не показалась Субисаррете слишком уж многонаселенным местом, за то время, что он находится здесь, ни один человек не вошел в нее и ни один ее не покинул, и под сводами пансиона стоит звенящая тишина. *Может быть, а может быть, и нет,* – хочется ответить Икери: расслабленно, уклончиво, в стиле пропавшего Альваро. Но, подумав, он отдает предпочтение первой части:

– Может быть. А как называется та кофейня? – еще один ненужный вопрос. Быть может, самый бессмысленный за сегодняшний день.

– Которая принадлежала покойному Андресу?

– Да.

– «Старая подкова». Только с тех пор, как Андреса не стало, кофе там испортился, не говоря уже о горячем шоколаде. Если хотите перекусить, могу посоветовать вам пару приличных мест... И еще у нас в Брюгге есть отличные пивоварни.

– Спасибо, но «Старой подковы» будет вполне достаточно.

– Ну, как знаете. Только не говорите потом, что я вас не предупреждала.

Икер вовсе не собирался пить кофе в «Старой подкове», но вдруг туда полгода назад, когда все было в порядке с кофе и горячим шоколадом, заглядывал Альваро? Подобного развития событий исключать нельзя, ведь кофейня находится совсем рядом. К тому же Альваро любил посидеть в тихих, пропитанных кофейным духом местах с блокнотом и карандашами. Правда, блокнот Альваро покоится теперь в кармане Икорова пиджака, но нет никаких гарантий, что он был единственным. Еще один блокнот художник мог взять с собой, ведь сидеть сложа руки и не рисовать – это так не похоже на Альваро, каким его знал Икер.

Каким его знал – то-то и оно!

Существенная поправка.

Может ли Икер с уверенностью сказать, что Альваро периода Долomitовых Альп и Альваро, позвонивший ему за день до отъезда в Брюгге, – один и тот же человек?

Нет.

Работа была смыслом его жизни, потому и факт, что он попросту забил на персональную выставку («К черту Мадрид!»), променял столь эпохальное событие на скоропальный отъезд в какой-то там Брюгге, выглядит невероятным. Как будто Брюгге, простоявший на одном месте уйму столетий, не мог подождать его еще несколько дней... Человек, с которым Икер разговаривал по телефону в последний

раз, вел себя совсем не так, как обычно ведет себя Альваро. Но в том-то и загвоздка, что этот человек и был Альваро, его голос ни с каким другим не спутаешь: мягкий, чуть глуховатый, обволакивающий. Такие голоса нравятся женщинам и не очень нравятся собакам. Впрочем, собак Альваро никогда не заводил. И к кошкам тоже был равнодушен. Да и женщины, в отличие от работы, не были смыслом его жизни. Скорее, приятным дополнением к ней. «Приятным», другого слова не подберешь. Не особо обременительные для души и кошелька романы и такие же безболезненные расставания. Ничто не могло выбить прежнего Альваро из колеи, а новый... Новый явно был чем-то озабочен. Взволнован. Отсюда и спонтанные решения, необдуманные поступки типа визита в проклятый Брюгге. Что он забыл в этом Брюгге?..

Нестыковки в образе раздражают Икера.

Сколько лет они знакомы? Не меньше двадцати пяти, все начиналось с детской дружбы, освященной глупыми, но захватывающими дух мечтами, болячками на губах и содранными коленями. И эта дружба не прерывалась ни на год, за исключением того времени, что Икер провел в полицейском управлении Бильбао. И за исключением того времени, что Альваро обучался в Королевской академии изящных искусств в Мадриде. Но и тогда они не теряли друг друга из вида.

Теперь Альваро потерян, и единственное, чего боится Икер, – он потерян навсегда.

...Визит в «Старую подкову» никаких результатов не дал. Да и глупо было рассчитывать, что по одной-единственной фотографии хоть кто-то сможет опознать случайного посетителя полугодичной давности. Так ему и заявил мрачный одутловатый тип за стойкой, без видимой надобности тут же ставший протирать и без того чистые чашки: *вы бы меня еще спросили о том, кто пил здесь кофе двадцать лет назад.*

На вид мрачному типу было не больше тридцати, так что в таком случае мог бы вспомнить десятилетний ребенок?

Всё.

Детская память – цепкая, как репей. Во всяком случае, Икер хорошо помнит себя мальчишкой. Он без труда смог бы восстановить любое лицо из своего тогдашнего окружения, любой предмет. Любую царапину на спинке деревянной скамьи в кафедральном соборе Памплоны, куда дед с бабкой брали его на воскресную службу. Тащили волоком, хотя в списке неотложных дел Икера-мальчика спасение души не значилось. Те воскресенья были скучнее не придумаешь, даже разноцветные стеклянные шарики и машинки, лежащие в кармане, не делали их веселыми. Шарик или машинку не вытащишь посередине проповеди – Иисус этого не одобрит.

А дедушка – тем более.

Но в одно из воскресений все волшебным образом изменилось: тогда в соборе впервые появился Альваро. Он пришел на службу с теткой и большим альбомом. За ухом у Альваро торчал огрызок карандаша, именно на этот огрызок

Икер и паялился все то время, пока шла месса и священник бубнил что-то из Ветхого Завета. И лишь звуки органа заставили Икера отвести взгляд. Они с Альваро познакомились чуть позже, когда в его руки, прямо из-за уха, перекочевал карандаш. И он стал зарисовывать что-то в свой альбом. Тогда-то малыш Икер и подошел к малышу Альваро и самым бесцеремонным образом устался на лист, который стремительно терял свою белизну. Мгновенно возникающие на нем линии складывались в картинку и не шли ни в какое сравнение с палочками, крючочками и кривыми кругами, которые обычно являлись плодом творчества самого Икера.

Вот пастор.

Вот алтарь.

Вот Икерова бабка собственной персоной.

Вот Иисус.

Все они были почти живыми, во всяком случае, узнаваемыми, у Икера даже захватило дух – так правдоподобно они выглядели на бумаге. И какой-то незнакомый мальчишка с огрызком карандаша в руках показался Икеру намного значительнее, чем Христос и Дева Мария, хотя и они вроде бы совершали чудеса. Но свидетелем тех божественных чудес ему стать не пришлось, а этот хлюпик с тонкими руками и хрупкими пальцами сотворил чудо здесь и сейчас.

От полноты чувств Икер толкнул мальчишку в плечо, а мальчишка с неожиданной для его худосочного телосложения сноровкой ответил ударом на удар. Да еще врезал Икеру

по носу ребром альбома. Было больно, но последующее знакомство с Альваро стоило любой боли.

Оно стоило воскресных месс, которые с трудом переносил десятилетний Субисаррета. Оно стоило всех причастий и исповедей, а все потому, что Альваро Репольес оказался самым необычным парнем из тех, кого знал Икер.

Альваро был художником. И не только потому, что ни на минуту не расставался со своими альбомами, а потому что пространство, в котором он находился, удивительным образом менялось, поворачивалось к Икери новыми гранями. С Альваро легко было потерять чувство реальности, вернее, погрузиться совсем в другую реальность. Альваро часами мог разглядывать какой-нибудь предмет, пусть и самый обыкновенный, вроде пыльной бутылки из-под сидра, а потом... Потом эта бутылка возникала на его рисунках, но была уже не просто бутылкой, а домом для ночных мотыльков, или дневных бабочек, или потерянных детей. Запомнить рисунки Альваро было невозможно, они все время менялись, уже без всякого вмешательства извне, — так, во всяком случае, казалось маленькому Икери.

Взрослый же Икер даже не пытался заглянуть во взрослого Альваро: того и гляди провалишься в узкое горлышко сидровой бутылки. Да так, что потом и не выбраться никогда, сколько ни хватайся руками за гладкие стеклянные стенки. А становиться ночным мотыльком, дневной бабочкой или потерянным ребенком вовсе не входило в планы Субисарреты.

Он – полицейский, и этого вполне достаточно.

А тип за стойкой «Старой подковы» если кого и напоминал, то только гусеницу. И воплотиться в бабочку у него не было никаких шансов, даже Альваро с его недюжинным воображением не смог бы превратить его во что-нибудь приличное.

Наверное, это и есть Питер. Осел и брат утопленника Андреса по совместительству.

– Закажете что-нибудь или так и будете на меня пялиться? – спросил осел равнодушным голосом.

Но последние тридцать секунд инспектор пожирал глазами вовсе не нынешнего владельца «Старой подковы», а простенок между кофемашиной и полкой с сиропами. Там, среди нескольких выцветших литографий с видами Брюгге, висел карандашный рисунок.

И это был рисунок Альваро Репольеса.

Подобные прихотливые линии Икер узнал бы из тысяч других. Только Альваро был способен рассказать о человеке больше, чем видно глазу. Чем человек сам знает о себе. Вопреки ожиданиям, на листе бумаги были изображены не пейзаж, не женщина – мужчина.

Не старый, но и не очень юный, возможно, ровесник Икера. Ровесник самого Альваро. Появись он в кафедральном соборе Памплоны четверть века назад, на одного друга в их маленькой компании уж точно стало бы больше. К художнику Альваро и просто сорванцу без особых талантов Икери

прибавился бы еще и мечтатель по имени Андрес.

Почему Субисаррета вдруг решил, что это Андрес? И почему ему показалось, что Андрес был мечтателем и никем другим? Да нет, не показалось. Он точно знал, что Андрес – мечтатель, об этом сказал ему рисунок. Детское восприятие никуда не ушло, вот и сейчас, следуя за линиями на бумаге, как за дудочкой Крысолова, Икер видел недоступное глазу: мечтателем Андреса сделало одиночество.

Он не смог или не захотел вырваться из Брюгге, переплыть канал, пересечь мост. Он остался там, где жили его предки, он занимался тем же, что и они: варил кофе, разливал по чашкам горячий шоколад. Рассматривал чужие, диковинные судьбы в остатках кофейной гущи и чувствовал себя вполне комфортно, пока однажды не встретил женщину. И... влюбился, как влюбляются только мечтатели: с первого взгляда. Эта женщина была случайной гостьей в Брюгге, в «Старой подкове», и от Андреса она ждала только кофе, а к его любви осталась равнодушной. И тогда...

Стоп-стоп.

О женщине Икер знает от хозяйки «Королевы ночи», об Андресе и Питере – тоже, и рисунок здесь ни при чем. Ценность рисунка вовсе не в том, что он вновь пробудил к жизни детские фантазии Икера, а в том, что он может послужить вещественным доказательством в деле пропавшего художника.

Стоп-стоп.

Нет никакого дела, никто не заявлял о пропаже Альва-

ро Репольеса (единственная его родственница, памплонская тетка, умерла лет десять назад), и Субисаррета приехал сюда как друг, а не как полицейский.

– Это ведь ваш брат, не так ли? – спросил Икер, указав на рисунок за спиной осла Питера.

– Какая вам разница? – огрызнулся тот.

– Никакой. Просто я знаю, кто нарисовал его.

– А я – нет.

– Могу рассказать. Его нарисовал тот самый человек с фотографии, которого я ищу. Выходит, он заходил сюда.

– Что это меняет, если лично я его не видел?

– Он был знаком с вашим братом?

– С моим братом был знаком целый город, что с того?

Лицо Питера болезненно морщится, но не потому, что ему жаль покойного Андреса, а потому, что его раздражают даже случайные напоминания о нем. Так и есть, извечное соперничество двух братьев: всеобщего кофейного любимца и бедняги-неудачника, неспособного управлять даже таким маленьким заведением, как «Старая подкова». Дела в нем идут из рук вон, это видно невооруженным взглядом: кроме Питера в кофейне присутствуют лишь двое: Субисаррета (благоразумно отказавшийся от кофе местного разлива) и девушка-официантка, до сих пор она не произнесла ни слова. И не участвовала в разговоре, больше похожем на ленивую перебранку.

– Но человек с фотографии был приезжим.

– Приезжих здесь полно, все прутся в Брюгге, как будто им здесь медом намазано. Если начнешь вспоминать каждого – жизни не хватит.

Ничего он не добьется от упрямого осла, ничего! Будь здесь все полицейское управление Сан-Себастьяна и полицейское управление Бильбао в придачу – результаты были такими же плачевными.

– Я бы хотел взглянуть на рисунок поближе.

– Не думаю, что это хорошая идея.

Проклятый идиот!

Хорошо еще, что Икер, наученный горьким опытом визита в «Королеву ночи», не стал распространяться о том, что он – «частное лицо». Самое время вынуть свое полицейское удостоверение и нащелкать им по носу проклятому идиоту. Может быть, там, где бессильны люди, сработает бумажка?

Ну, что-то ты теперь скажешь, осел?

– И чего вы хотите? – спросил Питер, не проявивший к документам Субисарреты ни капли почтительности.

– Повторяю для особо непонятливых: я хотел бы взглянуть на рисунок поближе. Или мне сходить за кем-нибудь из местных представителей закона, чтобы мы рассмотрели его коллегиально?

На этот раз осел не стал упрямыться и, сняв этюд Альваро со стены, едва ли не бросил его на стойку перед инспектором.

– Давно надо было от него избавиться, – проворчал он.

Икер хорошо помнил привычку Альваро проставлять да-

ты в правом нижнем углу любого из своих рисунков. Иногда, если было настроение, он придумывал к ним забавную подпись. Но подпись могла и не случиться, а даты стояли всегда. Вот и теперь Субисаррета обнаружил искомое:

05.05.

Пятое мая, а из Сан-Себастьяна Альваро вылетел четвертого, все сходится. И лишь вопрос, что он делал в «Старой подкове», остается непроясненным. Ведь если верить хозяйке «Королевы ночи», он искал башню Белфорт, а вовсе не кофейню. Возможно, Альваро должен был встретиться с кем-то у башни, но у него еще оставалось время. И он завернул сюда, чтобы скоротать полчаса. Или час, или пятнадцать минут. Или – чтобы просто отдышаться и собраться с мыслями. И забросить что-то в желудок заодно. Учитывая, что «Старая подкова» – ближайшее к пансиону кафе, а Альваро ушел от фламандки не позавтракав, такой вариант не исключен.

– Значит, вы не видели человека, который нарисовал портрет вашего брата? – еще раз переспросил Икер, не надеясь, впрочем, на положительный ответ.

– Полгода назад? – зачем-то уточнил осел.

– Да.

– В то время меня не было в Брюгге. Здесь вам любой это подтвердит.

С этого и надо было начинать, проклятый идиот!..

– Рисунок я забираю с собой, – заявил Икер. – Раз уж вы так мечтали от него избавиться.

– Как хотите. – Питер пожал плечами.

Прижизненный портрет утопленника тотчас же исчез в недрах спортивной сумки Субисарреты, и инспектор, подталкиваемый в спину недружелюбным взглядом хозяина, покинул кофейню. Недалеко же он продвинулся в поисках друга и – это самое печальное – вряд ли продвинется дальше. Надежда на башню Белфорт не слишком велика: разве что случится чудо, и камни вдруг заговорят. Или кто-то из старожилов Рыночной площади окажется обладателем уникальной фотографической памяти, способной рассортировать по полкам миллион туристов, толкущихся в Брюгге. Вот если бы у башни случилось какое-нибудь происшествие, на манер того, что произошло под мостом Деревянных башмаков... Но тогда о нем бы знала хозяйка «Королевы ночи», а следовательно, знал бы и он, Субисаррета!.. А так ничего, кроме полумистической истории о всплывших трупах, ему представлено не было, и там Альваро уж точно не фигурировал. Погруженный в собственные, не слишком радужные мысли, Икер прошел метров пятьдесят, когда его окликнули:

– Простите...

Официантка из «Старой подковы», до сих пор делавшая все, чтобы остаться незамеченной.

– Я не стала говорить при Питере... Он неплохой человек, но когда речь заходит о его брате... В общем, это малопривлекательная для Питера тема.

– Они не ладили?

– Они мало общались. Питер вернулся сюда из Гента только тогда, когда Андреса не стало. Бедный, бедный Андрес... Вы знаете, что с ним произошло?

Еще одна не в меру разговорчивая фламандка!.. Ей лет двадцать на вид, она стройна и довольно миловидна, не то что хозяйка «Королевы ночи». Но Субисаррете снова мерещатся ракушечные края вместо губ.

– Уже слышан. Кажется, ваш старый хозяин утонул...

– Утопился, – проскрежетала официантка. – А это не одно и то же.

– Да-да, я понимаю.

– Я видела того человека, о котором вы спрашивали. Я хорошо его запомнила. Любой бы запомнил.

– Он вел себя как-то необычно? – тот же вопрос он задавал створкам другой раковины, каков будет ответ на этот раз?

– Он был самый настоящий красавец. – В голосе официантки проскальзывают мечтательные нотки. – В Брюгге таких днем с огнем не сыщешь.

– Он с кем-то встречался в вашем кафе?

– Он кого-то ждал. А это не одно и то же.

– Ждал, вот как? И дождался?

– Нет. Если бы дождался, я бы так и сказала: он встретился с кем-то.

– Да. Это не одно и то же. Вы правы. И как долго... он ждал?

– Не так чтобы очень. Но он успел нарисовать Андреса.

Тот самый портрет, который вы забрали...

– Он подарил его хозяину?

– Не совсем так. Он сидел за столиком у окна и что-то рисовал в своем блокноте. Как будто никуда и не спешил во все... Лишь изредка посматривал в окно, вот я и решила, что он кого-то ждет. А потом он вдруг поднялся, оставил на столике деньги и выбежал из кафе.

– Выбежал?

– Да. Наверное, увидел кого-то знакомого и просто испугался, что тот пропадет из виду.

– Почему вы так решили?

– Он взял всего лишь чашку кофе. А заплатил столько, будто выпил три, с десертом в придачу. Он не успел попросить счет и... не успел взять блокнот.

– Блокнот остался в «Старой подкове»?

– Да. Я хотела догнать, но на улице уже никого не было. Как будто этот парень растворился в воздухе.

Или ты не очень-то и торопилась, подумал про себя Субисаррета. Из-за денег, оставленных на столе и... из-за блокнота. Любопытство – отличительная черта женщин, и официантки не исключение.

– Он так и не вернулся?

– Нет. Больше мы его в «Старой подкове» не видели.

– А блокнот?

– Я отдала его Андресу. Мы всегда так делаем, если кто-то случайно оставляет сумку, или зонтик, или фотоаппарат,

или еще что-нибудь. У Андреса в подсобке есть специальный ящик для забытых вещей... То есть теперь у Питера, конечно.

– Блокнот до сих пор там, в ящике?

– Ну... – Официантка закатывает глаза. – С тех пор как Питер стал хозяином, ящик все больше пустует. Посетителей у нас мало. А забыть – означало бы вернуться, но возвращаться никто не торопится. Не то что раньше...

– Сочувствую. Так что случилось с блокнотом? Кто-то все же забрал его? Приходил за ним?

– Нет. Просто когда с Андресом случилось несчастье и мы с Кати... это моя сменщица... разбирали вещи, нашелся и блокнот. И в нем – портрет Андреса. Это была моя идея – купить для него рамку и повесить на стену. В память о покойном, он был прекрасным человеком и на портрете выглядел таким живым... Вы меня понимаете?

– Да.

– Я думала, Питер станет возражать, он ведь недолюбливал брата. Но он не стал.

– А сам блокнот? Что в нем было, кроме этого наброска?

– Больше ничего. Только набросок и был.

– Один-единственный?

– Это был почти новый блокнот.

– Почти?

– Ну...

– «Почти новый» и «новый» – не одно и то же, согласи-

тесь.

– Хорошо. Там был еще один рисунок. Кошка.

– Кошка?

– Да. Хорошенькая такая кошечка. Я прямо умилилась, когда ее увидела. Кошку я забрала себе, ведь за блокнотом никто так и не пришел. Это же не криминально?

– Нет, – вынужден согласиться Субисаррета. – А сам блокнот?

– Блокнот взяла Кати. Для хозяйственных нужд, так она объяснила.

– Хозяйственных?

– Списки продуктов и все такое. Не пропадать же добру, правда? А что случилось с художником?

– Надеюсь, что ничего страшного. – Голос Икера звучит не очень-то убедительно.

Больше говорить с официанткой не о чем. Утонувший Андрес, который так и не стал третьим в их с Альваро детской компании, не слишком-то волнует инспектора, а чутье подсказывает ему: визит в Брюгге оказался напрасным.

Так оно и вышло.

Последующий трехчасовой обход Рыночной площади и окрестностей не принес никаких результатов: ни в одном кафе, ни в одном ресторане никто и не вспомнил об испанце, никто не опознал его по фотографии. Никаких инцидентов с участием приезжих у башни Белфорт не происходило. Вид на город с высоты птичьего полета (именно он открывался

с башни) радовал глаз Субисарреты недолго. Стоя наверху и ежась от порывов ветра, он смотрел на остроконечные крыши и думал, что где-то здесь затерялся Альваро.

Вернувшись к концу дня в «Королеву ночи», он уже знал, что Альваро не вылетал из Брюгге самолетом и не уезжал поездом. И ни в одной конторе по прокату машин господин Репольес замечен не был.

И оставшиеся в номере вещи...

Даже если сбросить со счетов весьма скромное содержимое дорожного саквояжа, вряд ли Альваро оставил бы его по собственной воле. Он не расплатился за ночь, проведенную в пансионе, что совсем уж странно: человек, которого Субисаррета знал двадцать пять лет и которого считал своим лучшим другом, всегда был щепетилен в денежных вопросах. Что заставило его поступить совсем не так, как он поступал обычно? Что оказалось важнее, чем щепетильность и дорожный саквояж?.. Разумного или хотя бы утешительного ответа на вопрос не находится, а те, что лезут в голову, нисколько не устраивают Икера. Погружают в скорбную реальность его собственной профессии, где свежевыловленные утопленники без следов насильственной смерти – едва ли не самый щадящий вариант.

Фотографии утопленников были продемонстрированы инспектору местными полицейскими: два мужчины (Андрес и неизвестный блондин) и девочка лет тринадцати (несчастный случай на прогулке по одному из каналов). Кроме утоп-

ленников имелся один выпавший из окна пенсионер, три самоубийцы в возрастном промежутке от семнадцати до тридцати. Турист из Словакии, подавившийся бифштексом в ресторане «De Karmeliet», турист из Андорры, не справившийся с управлением на трассе Брюгге – Остенде. Все потерпевшие, за исключением блондина, опознаны, и ни один не является гражданином Испании Альваро Репольесом.

Блондин – тоже не Альваро, к вящей радости Субисарреты и унынию сыщиков из Брюгге: чертов блондин висит на них неподъемным грузом и портит статистику раскрываемости. В отличие от глупых, но вполне объяснимых смертей двух туристов, одного пенсионера и трех самоубийц случившееся с блондином – самое настоящее преступление.

Умышленное убийство.

Блондин был задушен, а уже потом сброшен в воду.

Слава богу, что это произошло не на подведомственной инспектору Субисаррете территории, слава богу, что блондин – не Альваро. Но где в таком случае Альваро? Если самолет, поезд и прокат машин исключаются, остается просто машина. *Чья-то машина*, на которой Альваро покинул город. Остаются мотоцикл, скутер, лодка с мотором и пешие прогулки по окрестностям. Все это выглядит несколько экзотично. Кого ждал Альваро в «Старой подкове»? С кем он должен был встретиться у башни Белфорт? С тем, с кем впоследствии покинул город? Но почему он забыл забрать вещи из пансиона?

«Забыть – означало бы вернуться», – сказала Икери официантка. Грустный афоризм, инспектора не покидает ощущение, что он тоже что-то забыл. Это не касается вещей (спортивная сумка при нем), тогда... чего это касается?

Альваро не вернулся, но вопрос «почему» остается открытым. Не захотел или – того хуже – не смог?..

Ночь в номере, который когда-то занимал пропавший друг, не приносит ничего нового, кроме бессонницы. До сих пор Икер не жаловался на плохой сон, он засыпал мгновенно где угодно, как только предоставлялась возможность, и никакой шум не мог этому помешать. Привычка, возникшая еще в Бильбао, где работы было существенно больше, чем в Сан-Себастьяне. В Бильбао он частенько оставался на ночь в управлении, а это не самое спокойное место.

«Королева ночи» – напротив, спокойное место. Очень спокойное, почти безлюдное. Субисаррете так и не удалось увидеть никого из постояльцев, кроме пожилой семейной пары – по виду скандинавов. На лестнице, ведущей на второй этаж, лежит толстая ковровая дорожка, призванная скрадывать звук шагов. Полы в коридоре тоже выстелены коврами, а стены обиты тканевыми обоями. И стоило инспектору захлопнуть за собой массивную дубовую дверь номера, как его тотчас же окружила тишина.

О чем он подумал тогда?

Лучшего места для преступления не сыскать.

Если бы он был убийцей и ему (по каким-то причинам)

нужно было бы расправиться с Альваро Репольесом, художником из Сан-Себастьяна, или с кем-нибудь другим, хотя бы и с блондином, чья личность так и не была установлена... он сделал бы это прямо здесь. В комнате с вековыми толстыми стенами и отличной звукоизоляцией. Пустил бы в ход пистолет с глушителем или струну от карниза; сошла бы и подушка, если бы жертва спала и ее не мучила бессонница, как сейчас Икера. Остальное – дело техники: закатать тело в ковер (обилие ковров в пансионе подталкивает именно к такому решению) и вынести через черную лестницу. Есть ли в «Королеве ночи» черная лестница?

Наверняка.

Да нет же, это слишком громоздкий план, *неизящный*, он зависит от множества случайностей, даже от пары скандинавов. Вдруг им взбредет в голову выйти из номера прямо посреди ночи, по какой-то своей старческой надобности? В поисках стакана воды, в поисках снотворного, которое наверняка найдется на ресепшене; в поисках джукбокса с коллекцией виниловых ретропластинок с записями полузабытой звезды Жюльетт Греко. Да мало ли чего может сгенерировать усыхающий мозг, а Жюльетт Греко всегда нравилась деду Субисарреты. Именно она, ее длинные черные волосы отравляли детство маленького Икера почище воскресных месс. Ее было так много, и она была так вездесуща, со своим вкрадчивым голосом, что вполне могла сойти и за Деву Марию, и за Христа.

И сходилa, вот ведь!..

Не факт, что волосы Жюльетт Греко всегда были длинными. Возможно, она иногда носила стрижку, как хрестоматийный Иуда, но Икер запомнил лишь черный водопад, украшающий обложку миньона с заглавной песней **«Sans Vous Aimer»**⁴. Особо грустной песню не назовешь, и не совсем ясно, страдает ли Жюльетт от чьего-либо отсутствия или относится к этому философски.

Как относиться к отсутствию Альваро, Икер еще не решил. Уж точно не философски: прежде чем исчезнуть, Альваро перестал походить на себя, занимался странными поисками, то и дело напускал туману, и – в течение суток – заменил один важный для себя город на другой, гораздо менее подходящий. *Ясность* — вот что необходимо Субисаррете. Ясность, а не туман. Хотя бы один точный ответ на любой из вопросов: где? зачем? какого черта? Один точный ответ, за который можно было бы уцепиться, как за толстый черный волос Жюльетт, как за одну из нитей, из которых соткан ковер нынешней тайной жизни Альваро Репольеса.

Как подозревает Икер – гораздо более затейливый, чем вытертые множеством ног и потерявшие цвет ковры в этом странном пансионе: растительный орнамент соседствует с геометрическим и свободно перетекает в него, как... жизнь перетекает в смерть.

Проклятие, ничего подобного здесь, в «Королеве ночи»,

⁴ «Вас не любя» (фр.).

не случилось и не могло случиться. Тем более с Альваро, взрослым тридцатипятилетним мужчиной. Способным постоять за себя. Впрочем... блондин с фотографии тоже выглядел мужчиной, способным за себя постоять. Что не помещало кому-то захлестнуть удавку на его шее.

Жизнь перетекает в смерть. Уже перетекла, о да!..

Мысль о смерти тут же всплывает, стоит лишь Икери подумать (не о блондине, что было бы понятно) об Альваро: всплывает и покачивается, как маленькая желтая резиновая уточка для ванной из Икерева детства. Эта мысль не вызывает у инспектора Субисарреты ничего, кроме злости: почему он так легко согласился с тем, что с его лучшим другом произошло непоправимое? Почему не может отвязаться от прошедшего времени и то и дело притягивает его поближе – воображаемой струной от карниза?

Чтобы ею не воспользовался кто-то еще.

Но остается еще пистолет с глушителем, подушка, нож, сильнодействующие яды, каминная кочерга и еще множество внешне невинных предметов, в сердцевине которых таится смерть. Даже карандаши при соответствующих обстоятельствах можно использовать как орудие преступления. И лишь от мягких, легко расслаивающихся на отдельные листы блокнотов ждать подвоха не приходится.

Блокнот.

Ничего, что могло бы пролить свет на произошедшее, Икер в нем не обнаруживает: быстрые, иногда в одну ли-

нию, зарисовки. Предметы, люди, детали каких-то интерьеров, жанровые сценки. Ничего такого, что отличало бы именно этот блокнот от множества других блокнотов Альваро. От тех блокнотов, которые сопровождали его в Доломитовых Альпах. Ни одна надпись (а их множество) не подчеркнута, не обведена овалом, не венчается парой восклицательных знаков или хотя бы знаком вопроса. Ближе к концу встречается пара изображений кошек, но инспектор вовсе не так сентиментален, как официантка из «Старой подковы»: кошки никогда не трогали его сердце. Вот если бы в них было нечто необычное, как в бутылке из-под сидра, неожиданно ставшей домом для потерянных детей...

Но ничего необычного в кошках нет.

Это просто наброски. Зарисовки с натуры, вот и все.

Ближе к рассвету Икеру все же удастся заснуть, но сон, в который он проваливается, никакого облегчения не приносит. Это не кошмар, как можно было бы предположить (до сих пор, несмотря на издержки профессии, Икеру ни разу не снились кошмары); хотя и к категории обычных снов Субисарреты он не относится.

Главный герой сна – желтая резиновая уточка из детства. Но плавает она не в ванной – под сводами моста.

Икеру (во сне он стоит на мосту) нестерпимо хочется добраться до проклятой утки, он протягивает к ней руки и едва не касается ее, но... в самый последний момент она ускользает. Чтобы увеличиться в размерах до свободно парящего

на водной глади тела.

Это – мужское тело.

Светловолосый блондин из залитых «**Cuir Mauresque**» воспоминаний хозяйки «Королевы ночи»; он же фигурировал на фотографиях, сделанных сыщиками из Брюгге. Правда, на фото крупным планом было изображено его лицо, теперь же Икер видит только затылок. И против *брюгге*-обыкновения в волосах на затылке копошатся не морские черви – мотыльки. Те самые, что до сих пор жили в стеклянной плоти бутылки из-под сидра. И это вызывает в Икере чувство беспокойства, перерастающее в панику. Блондин и Альваро никак не связаны между собой, так почему ему кажется, что лежащий в воде человек – его друг, Альваро Репольес?

Художник Альваро.

Уточка Альваро.

...За сон Икер расплачивается с фламандкой тридцатью евро вместо сорока («я не какая-нибудь хапуга, не думайте, милый мой») и обещанием вернуться в «Королеву ночи» с невестой, если на него вдруг снизойдет откровение провести медовый месяц в Брюгге. Или, на худой конец, с хорошими вестями: пропавший друг нашелся. Еще одна хорошая для Икера весть состоит в том, что в следующий раз его ждут скидки в высокий туристический сезон («мы дорожим постоянными клиентами»). Что же касается дорожного саквояжа – он будет ждать хозяина, уверяет фламандка, *из него и нитки не пропадет.*

...Альваро так и не нашелся.

Со времени бесплодного, хотя и познавательного визита в Брюгге прошло полтора года, и чувство потери несколько притупилось. А вместе с ним и чувство вины, которое поначалу так мучило Субисаррету: он сделал далеко не все, чтобы докопаться до истины. Он упустил что-то важное, он что-то забыл. Не задал кому-то важный вопрос, проглядел деталь, которая лежала на поверхности. Ухватись он тогда за нее, все могло сложиться иначе. Не для Альваро – для самого Икера с его обостренной жаждой ясности во всем.

Забыть – означало бы вернуться.

Но повода вернуться в Брюгге нет, его не было все полтора года. Лишь сон о чертовой утке, на поверку оказавшейся блондином Альваро, иногда возвращается. Не слишком часто, чтобы свести Субисаррету с ума, три или четыре раза в год, не больше. И в этом нет никакой периодичности, никакой закономерности. Разве что... Сон об утке-Альваро никогда не сопровождал «Джаззальдии», не отравлял ее, и как ни странно, закономерность прослеживается именно здесь. Вернее, никуда не девшаяся связь между Икером и Альваро. Его лучший друг знал, как трепетно инспектор относится к джазу, вот и не решается напоминать о себе.

Живой или мертвый – он проявляет чудеса такта.

Щепетильность – так будет точнее.

Сам же сон все время совершенствуется, обрастает фотографическими деталями. Мотыльки, копошащиеся в затыл-

ке, – больше не биомасса, какой она впервые предстала перед Икером в Брюгге. Теперь он в состоянии разглядеть особенности любого из них, он видит каждую особь в самых мелких подробностях. Наваждение подробностей так велико, что заставляет Икера обратиться к атласу насекомых (атлас нашелся у Иерая – судмедэксперта и энтомолога-любителя по совместительству). Там он находит всех обитателей затылка:

Deilephila Elpenor,
Laothoe populi,
Gipsy Moth,
Biston Betularia Carbonaria.

Совки, бражники, пестрянки – Икери удалось идентифицировать даже бабочку «мертвая голова» (**Acherontia Atropos**), не опознанных не осталось.

Почти не осталось.

Ускользнула лишь одна, не найденная в семисотстраничном атласе, но именно она беспокоит Икера больше всего. Намного уступающая в размерах «мертвой голове» и не несущая на теле стилизованное изображение человеческого черепа, она тем не менее выглядит пугающе. Не сама по себе – как персонаж сна или (что будет точнее) как вестник. Единственная из всего затылочного сообщества, кто воспроизводит звук. И этот звук – не шелест крыльев и не язык, на котором бабочки общаются между собой.

Шепот.

Слишком невнятный, чтобы понять его. И слишком на-

зойливый, чтобы вот так запросто от него отмахнуться. И нельзя упрекнуть Икера в том, что он пытается отмахнуться от шепота, совсем напротив: он напрягает все силы, чтобы услышать. Но ничего путного из стараний Икера не выходит, и ему остается лишь ждать очередного прихода сна в надежде, что шепот перерастет во что-то более существенное.

В послание.

В призыв, в подсказку или хотя бы в вопрос. Который Икер должен был задать кому-то из жителей Брюгге, но так и не задал.

Еще Икер надеется услышать имя. То самое, которое Альваро хотел сообщить ему накануне отъезда. Хорошо бы, чтобы в комплекте с именем шло что-то еще (длительность шепота как раз и предполагает «что-то еще»), но все ожидания в конечном итоге оказываются напрасными. В тот самый момент, когда доминирующая над всей колонией бабочка (вместе с затылком Альваро-утки) приближается настолько, что шепот распадается на отдельные слова – все обрывается.

И Икер выныривает из сна в холодном поту с одной лишь мыслью: чтобы чертово насекомое никогда больше не возвращалось. Правда, как только пот высыхает, он снова жаждет встречи с бабочкой, с шепотом. Только потому, что любит ясность. И точку в конце любой истории, хотя бы это и был бланк полицейского протокола.

...Почему воспоминания об Альваро Репольесе вдруг нахлынули на инспектора Субисаррету именно здесь, на пороге номера в «Пунта Монпас»? Они уместились в очень короткий временной промежуток между уходом Лауры и прибытием бригады судмедэкспертов во главе с энтомологом Иераем. А это заняло не больше двух-трех минут.

Правда, сюда стоило приплюсовать еще с десяток: все то время, пока Иерай колдовал над телом, а фотограф из управления делал снимки. Икер, подпирающий дверной косяк, не слишком-то следил за происходящим, погруженный в свои собственные мысли. Из оцепенения его вывел легкий свист и последовавшее за этим восклицание Иерая:

– Любопытно!..

– Что там еще? – спросил Икер.

– Подойди-ка сюда. Ты уже видел это? – Иерай, склонив голову набок, рассматривал сквозь лупу пролом на затылке убитого.

– Рану?

– То, что в ране.

Порывшись в своей выдавшей виды сумке, Иерай извлек на свет божий пинцет и, поковырявшись им в проеме, вынул нечто крошечное и бесформенное: то ли кусок хорошо спрессованного волокна, то ли обломок кости... Впрочем,

нет, это явно была не кость.

Инспектор знал это. Знание открылось ему, стоило только предмету, вытащенному из раны, оказаться на кончике пинцета. Или – за секунду до этого. И ничего хорошего это знание не несло.

– Что это? – на всякий случай переспросил Икер. И не узнал своего голоса – таким тихим и слабым он оказался. Каждое слово будто покрыто испариной, они едва держатся на ногах, липнут друг к другу, чтобы не упасть:

ЧТО ЭТО

– Электронный чип. – Иерай пожевал губами и поднес лупу к пинцету. – Интересно, что он там делает?

Электронный чип – вовсе не бабочка, но мук Субисарреты это не облегчает. Его повторяющийся сон – всего лишь напоминание об Альваро. И дело не только в сне – во многих других деталях, на первый взгляд несущественных.

Кошки.

Несколько раз Икер ловил себя на том, что всматривается в кошек. Найти их непросто: подавляющее большинство живет в домах с хозяевами; так уж устроен мир респектабельного Сен-Себастьяна – бездомных кошек в нем почти нет. Но кошки, обремененные домом и хозяевами, иногда выходят на балконы или маячат в окнах. Они – объект пристального внимания Субисарреты, хотя инспектор даже сам себе не признается в такой безделице, как наблюдение за четвероногими домашними любимцами.

Никаких плодов наблюдение не приносит: сан-себастьянские кошки мало похожи на кошек, изображенных в блокноте Альваро. Идентифицировать их по атласу (изданному в той же серии, что и «Атлас насекомых») не удастся. Не потому, что это какие-то особенные кошки...

Да нет же, они – особенные!

Проскользнувшие сквозь зрачки Альваро, как сквозь слуховое окно, и грациозно спустившиеся в блокнот с кончика карандаша. Икер почему-то уверен, что, встретив тех самых кошек в жизни, обязательно узнает их. Вот только как допрашивать кошек, чтобы вытянуть из них сведения о сеньоре Репольесе, Икер пока не решил.

Еще одно напоминание об Альваро – вездесущая победительная «Барса».

Еще одно – журнал «Don Ballon». Кто бы ни был изображен на обложке – Иньеста, Санчес или Месси, какая бы форма на них ни была надета, неотъемлемой частью экипировки выступает дорожный саквояж Альваро, оставшийся в подсобке «Королевы ночи». Это не связано с рекламными контрактами футболистов, просто наваждение саквояжа преследует Субисаррету.

Как избавиться от него, инспектор не знает.

– ...О чем задумался? – спросил Иерай, аккуратно опуская чип в прозрачный пластиковый пакет.

– Так, ни о чем. Когда примерно наступила смерть?

– Судя по трупному окоченению, часов четырна-

дцать-пятнадцать назад.

– Ага. Получается между пятью и шестью часами утра. На рассвете.

«Между пятью и шестью» объясняет пижаму, в которую облачен мужчина. И его расслабленную позу. Он не сопротивлялся, не смог защитить себя, возможно, даже не успел проснуться. Остался в своем сне, если ему снились сны.

– Нападения он не ожидал, – подтвердил предположения Субисарреты Иерай. – И вряд ли сообразил, что происходит, прежде чем отдал богу душу.

– Чем его саданули?

– Исходя из характера раны, чем-то тяжелым.

– Это понятно. Меня интересует, чем именно.

– Свои предположения я изложу, когда обследую труп у себя. Навскидку ничего, что могло бы послужить причиной смерти, в номере я не нахожу.

– То есть убийца унес орудие преступления с собой?

– Да.

– И все же... Что это могло быть?

– Молоток. Или предмет, на него похожий.

– Не слишком удобный инструмент для предумышленного убийства, ты не находишь? – проворчал Икер.

– Не слишком. Могу добавить в список гвоздодер. Гантель. Камень-голыш, если это тебя устроит... Забирайте тело, – скомандовал Иерай помощникам.

Красная пижама с идиотскими рождественскими шарами.

Напрячь такую мог только недоумок с осами в голове, целым осиным гнездом. Забраться в него сквозь естественные отверстия – ноздри, рот, ушные раковины – представляется довольно проблематичным. Или заведомо удлиняет путь. Вот кто-то и придумал альтернативный вход. Прорубил его в затылке, чтобы осы, жрущие мозг, вырвались на свободу. Икер вертит головой во все стороны в поисках крылатых тварей с желто-черными брюшками, но вместо них натывается на Иерая, фотографа из управления, двух неразлучников Хорхе и Педро (это они сейчас возятся с телом). И наконец на само тело.

Как было бы здорово, если бы осы облепили физиономию покойника! Намертво приклеились бы к ней, изменив до неузнаваемости. Чтобы оторвать их от кожи, потребовалось бы изрядное количество времени, и все это время Икер пребывал бы в робкой уверенности, что его друг Альваро Репольес жив. Все-таки жив, несмотря на двухлетнее отсутствие.

Но Альваро мертв.

Мертвое не придумаешь.

Потому что труп в красной пижаме и есть Альваро.

За два года он почти не изменился, разве что превратился в блондина. Но это – Альваро, Альваро! – маленький шрам на подбородке (последствия падения с велосипеда в возрасте одиннадцати лет) никуда не делся. И подбородок никуда не делся. Этот раздвоенный подбородок всегда принадлежал

Альваро. И плохо выбритая ямка на нем – тоже. Ямка огорчала Альваро, выкурить из нее щетину – напрасный труд, щетина есть и теперь.

А Альваро нет.

Больше двух лет Икер отгонял от себя мысли о том, что Альваро нет, но не стало его только сейчас. Четырнадцать или пятнадцать часов назад. Четырнадцать или пятнадцать часов – ничто по сравнению с двумя годами отсутствия; в сутках – двадцать четыре часа, в году – триста шестьдесят пять дней, сколько же получится часов жизни, отпущенных Альваро, и, главное, чем они были заполнены? Икер пытается спрятаться от открывшейся ему страшной правды в дурацких арифметических подсчетах, но ничего не получается.

Двадцать четыре нужно умножить на триста шестьдесят пять, а затем удвоить полученную сумму. Или лучше сложить триста шестьдесят пять и триста шестьдесят пять и лишь затем умножить на двадцать четыре? И довесок в сорок пять дней – о нем тоже не стоит забывать.

Маньяк-профессор с его умением складывать бесконечно большие величины и мечтать о бесконечно малых – вот кто сейчас пригодился бы Субисаррете!..

Но профессор отбывает пожизненное наказание в одной из закрытых психиатрических клиник, и доступ к нему строго ограничен. Никто не навещает его, кроме санитаров в раз и навсегда отведенные часы завтрака, ужина и обеда. Правда, элементарным частицам, которыми так увлекался про-

фессор, ни стены, ни решетки нипочем, но это – не самые лучшие собеседники.

Альваро теперь тоже – не лучший собеседник.

Он не сможет ответить ни на один вопрос, а инспектора мучает масса вопросов. Почему Альваро вдруг стал блондином? Почему он остановился в «Пунта Монпас», а не в своей квартире на улице Сан-Роке? Почему он вырядился в дурацкую пижаму прежде, чем улечься в кровать? Почему он не давал знать о себе два года? И главное – почему и за что его убили?

Икер хватается за эти вопросы как за соломинку. Все они могли быть заданы в частной беседе с Альваро, а могли бы украсить полицейский протокол. Их основное достоинство состоит в том, что они разумны. Да-да, они разумны, а Икеру необходимо сохранить разум посреди безумия одноместного номера гостиницы экономкласса.

Его пропавший друг найден. Но найден в таком виде, что лучше бы и вовсе не находился.

Ведь убитый и есть Альваро Репольес.

И щетина в ямочке на подбородке больше не будет донимать его. Никогда.

– ...Что с тобой? – спросил Иерай. – На тебе лица нет.

Еще бы. И бог с ним, с лицом Субисарреты, вот если бы на трупе не было лица Альваро Репольеса! Любое другое, но только не его!..

Икер знает, что это невозможно, и все равно прикрывает

веки и сдавливает глазные яблоки большим и указательным пальцами – в надежде, что дурная реальность вот-вот закончится. Перед глазами проплывают полосы – черная, желтая, снова черная и снова желтая, совсем как на осином брюшке. Куда подевались осы из головы Альваро?

Переместились в голову Субисарреты, вот куда.

– Эй?

– Все в порядке. С утра башка раскалывается, вот и все.

– Мы закончили.

– Отлично. Чуть позже я загляну к тебе. Может быть, к тому времени удастся что-нибудь узнать о чипе...

– Я смотрю, он интересуется тобой больше, чем труп. Но для начала не мешало бы установить личность потерпевшего. – Иерай любит указывать сослуживцам, что им делать в данный конкретный момент, вот и сейчас не удержался. – Об этом уже что-нибудь известно?

– Пока нет.

Зачем он соврал судмедэксперту? Как будто мертвый Альваро Репольес может каким-то образом скомпрометировать инспектора Субисаррету, а знакомство с ним – грязная тайна, которую просто необходимо скрыть. Отстранить от дела из этических соображений Икера тоже не могут: в конце концов, они с Альваро не родственники. Так почему он соврал?

Осы, переместившиеся в голову Икера, не дают сформулировать внятный ответ на вопрос, они жалят и жалят. Осы,

в отличие от тараканов, создания агрессивные: тараканы всего лишь шуршат в голове, скользят по поверхности мыслей, не помышляя о том, чтобы внедриться в их глубины, а осы... Осы заставляют мысли съеживаться и страдать от аллергии на укус. Это уже потом, когда в них вонзается жало, мысли распухают и страшно чешутся. Единственное, чего хочется сейчас Субисаррете, – избавиться от людей. Остаться одному, хотя бы ненадолго.

Унять зуд в голове.

Кабинный чемодан **«Mandarina Duck»**.

Кожаный портфель.

Иерай со товарищи уже сняли с них отпечатки, теперь можно изучить вещи внимательно. Икер надеется обнаружить в портфеле блокноты для набросков – этих вечных спутников Альваро Репольеса. Но ни одного блокнота не находится. Нет и мягкого пенала с карандашами; документов, впрочем, тоже нет. Нет портмоне, нет визитницы, нет даже ручки «Паркер», что соответствовало бы статусу портфеля из хорошей кожи. Кроме того, в портфеле легко уместился бы маленький ноутбук, но нет и ноутбука. Это как раз не удивляет Субисаррету (Альваро, как всякий истинный художник, всегда был равнодушен к оргтехнике), а вот отсутствие блокнотов, без которых он и часа не мог прожить, настораживает.

Два отделения портфеля восхитительно пусты, если не считать какой-то англоязычной газеты и завалившегося в нее

посадочного талона. Рейс «Барселона – Сан-Себастьян» четырехдневной давности, в графе «имя» значится:

CHRISTIAN PLATT.

Бред. Чушь собачья.

Что еще за Кристиан Платт? Человек, которому принадлежат портфель, чемодан и костюмы в шкафу. Человек, которому и в голову не пришло бы возить с собой блокноты и карандаши, потому что он не имеет никакого отношения к живописи. Рождественская пижама тоже могла принадлежать Кристиану Платту, так почему в ней оказался Альваро Репольес, художник?..

Надежда обнаружить что-либо ценное в чемодане истаивает за пару минут: несколько дорогих (под стать костюмам) рубашек, несколько пар носков, дорожный несессер с массой бесполезных штукосин, брошюра по искусству Бенина (где это? Икер предполагает, что в Африке), девственно-чистый, без единой помарки аукционный каталог, три галстука *Christian Lacroix* разных расцветок, но выглядящих одинаково респектабельно, а ведь Альваро никогда не любил галстуки.

Чего не скажешь о Кристиане Платте.

Последнее, что находит Субисаррета в сетке бокового кармана «**Mandarina Duck**», – несколько билетов на «Джаз-зальдию»! Есть здесь и никому не понадобившийся билет на сегодняшнего Джорджа Бенсона; два других билета датированы соответственно завтрашним и послезавтрашним чис-

лами, а ведь Альваро никогда не любил джаз!

Чего не скажешь о Кристиане Платте.

Икер все еще пытается убедить себя, что между трупом в пижаме и Альваро Репольесом нет ничего общего, и ему почти удается сделать это. Почти.

Если бы не ямочка на подбородке, не шрам, по которым он узнал бы своего друга из тысяч, миллионов других людей. Если бы не ямочка, не сам подбородок, не лицо. Это лицо сопровождало Икера двадцать пять лет, он был свидетелем того, как оно менялось, взрослело, мужало, покрывалось от-роческим пушком, а затем – юношеской щетиной; с возрас-том щетина становилась все грубее, за каким чертом Альва-ро понадобилось перекрашивать волосы и тащить с собой, в средней руки отель, брошюру по искусству, мать его, Бени-на?

«В-жж, в-жж, в-жж», – гудят осы в голове Субисарреты, *интересно, куда подевался мобильный телефон покойного?* Должен же быть у него мобильный телефон, часы, цепочка на шее – немногочисленные, но знаковые аксессуары любого мужчины. У настоящего Альваро Репольеса такая цепочка была. Да еще с крошечным медальоном: память о покойной матери, погибшей вместе с отцом в автомобильной катастро-фе, когда Альваро только-только исполнилось восемь. Уже потом его забрала к себе памплонская тетка, уже потом он познакомился с Икером в кафедральном соборе. Медальон был представлен Икеру чуть позже: не только как фамильная

реликвия – как важная часть жизни.

Драгоценный осколок прошлого счастья, отнятого так внезапно.

Субисаррета пытается вспомнить, украшала ли шею убитого хоть какая-то цепочка, – и не может.

«В-жж, в-жж», – гудят осы. Зуд в голове не прекращается ни на секунду.

...На ресепшене Икера поджидал бледный как смерть администратор Аингеру. Выглядел он так, будто сам порешил хозяина одноместного номера и теперь пребывает в страхе неминуемой расплаты за содеянное.

– Рассказывайте, – бросил Субисаррета, положив на стойку сжатые кулаки. – Рассказывайте все, что успели узнать о постояльце.

– Он зарегистрировался четыре дня назад под именем Кристиана Платта, – проблеял Аингеру. – Номер был предварительно забронирован по Интернету.

– Это произошло в вашу смену?

Администратору очень хочется сказать «нет» (это видно по его перекошенной жалкой физиономии), но, вздохнув, он произносит:

– Да.

– Он говорил с вами по-испански?

– Он поздоровался по-испански, а потом перешел на английский.

– Почему?

– А почему должно быть иначе? Он ведь англичанин, и паспорт у него британский.

– Вы видели паспорт?

– Конечно. Прежде чем отдать ключи, я ознакомился с его документами. Так предписывают правила.

– Паспорт точно был британским?

– Юнайтед Киндом оф Грейт Британ и что-то там про Северную Ирландию, вот что было написано на обложке. Плюс герб со львом и единорогом. И дурак поймет, что паспорт принадлежит англичанину.

– И фотография в паспорте совпадала... м-мм... с лицом этого Кристиана Платта?

– Нет, там красовалась физиономия бен Ладена!.. Вы меня за идиота держите?

– Что он сделал после того, как получил ключи?

– Отправился к себе в номер, что же еще? А-а... ему кто-то позвонил на мобильный. И он отвечал на звонок на ходу.

– Разговор, конечно, тоже шел на английском?

– Я особо не прислушивался. – Аингеру закатывает глаза, пытаясь что-то вспомнить. – Но, кажется, это был не английский.

– Испанский?

– Вы опять пытаетесь выставить меня идиотом. Если бы он говорил по-испански, я бы понял, что именно он говорит. А я не понял.

– Потому что не прислушивались?

– Потому что это был не испанский! И не английский. Какой-то другой язык.

– Какой именно?

«Пропади ты пропадом» – написано на лице администратора, *ты и твой англичанин*; осы перестали жужжать и биться в череп Субисарреты, наконец-то! Альваро не слишком хорошо изъяснялся на английском, во всяком случае, не настолько, чтобы с легкостью заменить им испанский. И английский паспорт... Откуда у него английский паспорт? Почему ему пришлось сменить имя, сменить страну? И заодно овладеть не только английским, но и каким-то другим языком?

– Я не знаю, что это был за язык.

– Итальянский?

Помнится, в Доломитовых Альпах Альваро пытался флиртовать с очаровательными начинающими горнолыжницами и довольно умело жонглировал всеми этими «*incantatore*»⁵, «*cutie*»⁶, «*belle gambe*»⁷. В отрыве от самого Альваро они смотрелись бы пошлово, но в том-то и дело, что к ним прилагалась его обезоруживающая улыбка. И восхищение, которое казалось вполне искренним. И надежда: если не на любовь всей жизни, то хотя бы на одноразовый гостиничный секс – после предварительного, пусть и несколь-

⁵ Прелестница (*ит.*).

⁶ Милашка (*ит.*).

⁷ Чудесные ножки (*ит.*).

ко вымороженного петтинга в кабинке фуникулера. Разница между любовью и сексом не слишком велика – именно так всегда считал Альваро, особенно когда времени на первое у тебя не слишком много. Зато на второе оно отыщется всегда. Главное – чистота намерений, которая может быть по достоинству оценена в обоих случаях.

Вот чем всегда отличался Альваро – чистотой намерений!

Но с какими намерениями он поселился в отеле, где нашел свою смерть?..

– Не итальянский, нет. – Несмотря на «пропади ты пропадом», Аингеру находит в себе силы заискивающе улыбнуться. – Итальянский я узнал бы сразу, потому что немного говорю на нем. Хотя одно итальянское слово он все же употребил...

– Какое?

– Хлбпок, – после пятисекундного интригующего молчания заявляет администратор.

– Хлопок?

– Ну да. Он несколько раз повторил его на разные лады. Котонэ, котонэ, котонэ...

– То есть говорил он на неизвестном вам языке, а это слово было произнесено по-итальянски?

– Вроде того...

Теперь уже Икер чувствует себя идиотом. Экипировка начинающих горнолыжниц, как правило, не предполагает присутствия хлопка, разве что какая-нибудь простушка, впер-

вые посетившая курорт, напялит на себя обыкновенную майку вместо термобелья. Комбинезоны, которые так приятно расстегивать во время петтинга в кабинке фуникулера, шьются из мембранной ткани; горнолыжные свитера – из флиса, шерстяные шапочки и варежки вообще можно сбросить со счетов или заменить их шлемами из пластика и перчатками с кожаными вставками. Место хлопку так и не нашлось, а может, все эти два года утка-Альваро плавал вдали от Доломитовых Альп?

В каком-нибудь другом месте, где носить термобелье не обязательно, а вещи из хлопка не только удобны, но и функциональны.

Азия с ее вечной жарой и влажностью подошла бы. Почему Икер вдруг подумал об Азии?

Камбоджийская купюра.

Та самая, которая была унесена Лаурой в тапас-бар «Папагайос», и эту купюру горничной вручил не кто иной, как Альваро. Вряд ли он рыскал по сан-себастьянским нумизматическим лавчонкам в ее поисках, скорее всего, просто привез с собой. Посадочный талон на рейс «Барселона – Сан-Себастьян» проливает свет на финальный отрезок маршрута, а что было до этого? Ответ наверняка отыскался бы в паспорте Кристиана Платта, но паспорт исчез. Вместе с телефоном, по которому Альваро изъяснялся на неустановленном языке с итальянской тканевой прослойкой. Их прихватил с собой преступник? Или тот весельчак, что посчитал нужным при-

гласить горничную в номер с видом на убийство, перевернув табличку? Весь день, если верить Лауре, на двери маячило «Не беспокоить», но в восемь вечера ветер переменялся и неустановленный кто-то решил вытащить труп из тени. Аккурат в тот самый момент, когда Субисаррета собирался послушать Бенсона...

Вот черт.

Это все «Джаззальдия», она не только меняет реальность, но и умеет быть безжалостной. Циничной. Даже сейчас Икер смутно сожалеет о загубленном джазовом вечере и называет труп трупом, хотя это – Альваро, пусть и перекрашенный в британца Кристиана Платта.

Его лучший друг.

– У вас ведь установлены видеокамеры, не так ли?

– Конечно. – Аингеру горделиво выпячивает нижнюю губу. – Одна камера есть в холле, другая – на улице перед отелем.

– А на этажах?

– Нет. Сожалею, но нет. Мы как раз меняем оборудование, и камеры должны были привезти через три дня... Сожалею.

– А на парковке?

– У нас нет парковки.

Ну да. «Пунта Монпас» – не самый выдающийся отель, не «Мария Кристина» с ее безупречной и хорошо отлаженной системой безопасности. Максимум, что может предложить «Пунта Монпас» (помимо слегка жмущих в плечах но-

меров) – это вид на море, на бухту и на гору Ургуль. Ту самую, где Альваро, переодевшийся в кожу другого человека, собирался встретиться с... кем?

Можно загубить еще один джаззальдийский вечер, заменив его восхождением на Ургуль, которое так и не успел совершить Альваро. Можно попросить у начальства с десятков человек в штатском, но что-то подсказывает Икеру: это будет заведомо провальная операция. Во-первых, потому что на Ургуль вечно толкутся сотни туристов и искать среди них кого-то одного, даже не зная, кого именно, – все равно что искать иголку в стогу сена. Пуговицу на футбольном поле. Во-вторых...

Почему это Икер решил, что одним из встречающихся обязательно должен быть Альваро? Что, если ему всего лишь нужно было передать проклятое послание на купюре? В пользу этой версии говорит завтрашний билет, найденный в чемодане. Один человек не может быть в двух местах одновременно, разве что Альваро и Кристиан Платт вдруг оказались бы разными людьми. Но это один и тот же человек, как бы ни хотелось Икеру думать обратное. К тому же, если верить словам Аингеру, фотография в паспорте в точности соответствовала предъявителю, которого инспектор Субисаррета знал как:

Альварито (так ласково звала его памплонская тетка);

Альваро, или Борлито (так иногда звал его сам Икер – «кисточка», из-за страсти к рисованию).

Было еще несколько школьных прозвищ, довольно обидных – что-то на манер «крысеныша», из-за этих прозвищ Икер дрался с обидчиками до крови. А сам Альваро никогда не влезал в драку: не потому, что боялся, а потому что относился к таким укусам (самым что ни на есть крысиным по сути) философски. Много позже, когда они повзрослели, Альваро сказал другу: «Я был не такой, как все, вот и казался им крысой. А они казались мне мотыльками».

Помнится, Икер не нашел что ответить. Мотыльки – не так уж плохо, нежности в них намного больше, чем в крысах, и они не выглядят отталкивающе, не снуют по помойкам, не волочат за собой измазанные в нечистотах хвосты. Но глаза Альваро вовсе не были полны любви и всепрощения, когда он говорил о мотыльках. Совсем напротив, они заблестели каким-то странным потусторонним блеском. В его глазах не было воздуха, и свет в них казался зыбким – как в той нарисованной, наглухо запаянной бутылке из-под сидра.

А ведь именно там и жили мотыльки Альваро.

Или – умирали? Медленно и мучительно?..

Смерть самого Альваро оказалась мгновенной, и в ней не было ничего сверхъестественного или потустороннего.

– За последние несколько часов... Я имею в виду временной промежуток от шести до восьми... Вы никуда не отлучались с ресепшена?

– Нет. – Голос Аингеру звучит не слишком убедительно. – Я... все время находился здесь. Не считая пары-тройки ми-

нут... Естественные надобности, так сказать...

– Никто из посторонних в гостинице не появлялся?

– Насколько я знаю, нет.

– Никто не уезжал, не расплачивался по счету?

– Нет. Правда, где-то в районе восьми часов прибыли двое туристов из Норвегии. Пожилая супружеская пара...

Визит в «Королеву ночи» полуторагодовой давности тоже прошел под знаком старых пней из Скандинавии, уж не тех ли самых? Вероятность такого совпадения ничтожна, но она почему-то занимает Субисаррету больше, чем произошедшее с Альваро.

Так и есть.

Он не хочет думать об Альваро, потому что, думая о нем, упираешься в красную пижаму. В раскрытый затылок с застрявшим там электронным чипом. Он даже отдаленно не напоминает мотылька.

– В какой номер заселились скандинавы?

– В двадцать второй. Вы считаете, что они каким-то образом причастны?..

Икер пропускает вопрос администратора мимо ушей, чертвы скандинавы (пожилая супружеская пара) вырастают в его сознании до размеров гигантского цветочного пса у музея Гугенхайма в Бильбао. С той лишь разницей, что пса Субисаррета помнит в мельчайших подробностях, в то время как лица скандинавов постоянно ускользают, прячутся за пологом волос певицы Жюльетт Греко. Жюльетт всплыла в

его памяти из-за старых скандинавских пней, что он подумал тогда? Не о певичке – о скандинавах?

Они вполне могли оказаться свидетелями преступления.

Нет, не то.

Случайные свидетели автоматически переводят преступление в разряд неизящных, а следовательно, легко раскрываемых.

Мысль абсурдная, если учесть, что никаким преступлением в «Королеве ночи» и не пахло. Что же касается «Пунта Монпас»... К убийству, произошедшему здесь, скандинавы явно опоздали. Придется искать других свидетелей, если они вообще есть. Наверняка есть! Стоит копнуть поглубже, рано или поздно обнаружится человек, который что-то видел (но не придал значения увиденному), что-то слышал (но истолковал услышанное неверно), что-то запомнил (но не смог подыскать нужную ассоциацию). В этом и состоит задача Икера: выйти на такого человека. Распознать его в толпе похожих, но совершенно никчемных, не представляющих никакого интереса для следствия людей. В отличие от «Королевы ночи», этот отельчик густонаселен, и далеко не все спят мертвецким сном в шесть утра: сказывается близость к пляжу и увеселительным заведениям, которых в Сан-Себастьяне в избытке. А есть еще и персонал, бодрствующий по долгу службы, и вряд ли он ограничивается одним лишь трусоватым администратором Аингеру.

– Вы заступили на смену в...

- В восемь утра.
 - Кто дежурил до этого?
 - Виктор. Ночной портье.
 - Где я могу его найти?
 - Он уже должен был появиться. Странно, что его нет.
 - Странно?
 - Обычно он не опаздывает.
 - Мне нужен его адрес и телефон. А также запись с видеокамер.
 - Обеих?
 - Обеих, да. Меня интересуют последние сутки. И подготовьте мне список тех, кто проживает в отеле...
 - Вообще-то это конфиденциальная информация...
 - Вообще-то в вашем отеле произошло убийство. Нет?
- Одно лишь упоминание об убийстве делает щеки не в меру впечатлительного Аингеру пергаментными, а глаза – тусклыми и безжизненными. С чего бы ему так близко принимать к сердцу происшедшее?.. Аингеру – патриот отеля, и его репутация для администратора не пустой звук? Не похоже, ведь до сих пор Аингеру производил впечатление легкомысленного парня, который (подобно всем парням его возраста) спит и видит, как бы скинуть постылую гостиничную униформу и облачиться в пляжные шорты. *Пинать балду* (желательно в обществе симпатичных девушек) и есть основное занятие таких парней. Во всяком случае, именно к этому они всеми правдами и неправдами стремятся. Они, а вовсе

не сан-себастьянские полицейские, как ошибочно думают в Бильбао. Или Аингеру знает что-то, что не должен знать, и это знание опасно? Или ему кажется, что оно опасно?

– ...Мне понадобится некоторое время, чтобы распечатать список.

– Сколько?

– Минут двадцать. Наш принтер не работает.

– Надеемся наладить его за двадцать минут?

– Нет. Просто сбегая в соседний офис. Я в приятельских отношениях с тамошними клерками, и они мне не откажут.

– Вот как? Вы легко налаживаете приятельские связи?

– А что в этом предосудительного? – настаивается Аингеру.

– Ничего. А с постояльцами отеля вы тоже на короткой ноге?

Щеки администратора, еще секунду назад напоминавшие пергамент, неожиданно начинают пылать:

– С чего вы взяли?

– Просто спрашиваю.

– У нас принято соблюдать субординацию...

Ну да, принято соблюдать, но можно и отступить от правил: ответ звучит слишком обтекаемо и потому не засчитывается. Что все-таки скрывает этот идиот? И написанное на пергаменте просматривалось не слишком хорошо, а теперь, когда он залит красным...

– Общение с убитым ограничилось лишь его регистраци-

ей в отеле?

– Ну... Один раз он попросил меня поговорить с соседями. Ему мешал шум из номера на противоположной стороне коридора.

– Какого рода шум?

– Вернее сказать, это был не совсем шум. Музыка.

– Музыка?

– Видите ли, номер напротив занимает парень-саксофонист...

– Пассажи в неурочное время?

– Что-то вроде того.

– А этот парень... Саксофонист... Он что, плохо играет?

– Почему? Очень даже хорошо.

Альваро, как человек далекий от джаза, мог быть недоволен соседством с музыкантом. И саксофон, даже очень хороший, ничего, кроме раздражения, у него не вызывал – такое тоже возможно. Но куда в этом случае заткнуть билеты на «Джаззальдию», найденные в чемодане? В нагрудный карман пижамы Кристиана Платта, вот куда!.. Как бы Икер ни старался смириться с очевидным, он все еще не верит, что его пропавший друг и свежеиспеченный труп из гостиничного номера – один и тот же человек.

– И что?

– В каком смысле «что»? – недоумевает Аингеру.

– Вы поговорили с саксофонистом?

– В общем, да... Только не совсем с ним.

– С кем же?

– С его... м-м... спутницей.

Лицо администратора снова становится пунцовым. На этот раз не потому, что он пытается что-то скрыть, а потому, что само упоминание какой-то женщины, спутницы неведомого Икериу саксофониста, вызывает в нем бурю эмоций. И справиться с ними Аингер не в состоянии. Да и само слово «спутница» звучит как-то странно. И статуса женщины никак не объясняет. Кто она – возлюбленная, жена, импресарио? Просто девушка – из тех экзальтированных особ, что гроздьями виснут на музыкантах, сопровождают в поездках и бескорыстно предоставляют свое тело для одноразового использования? Все они, по мнению Икера, – дуры крошечные. Хотя и могли бы заинтересовать администратора Аингеру, будь он в пляжных шортах. Аингеру, облаченный в гостиничную форму, отнесся бы к ним в лучшем случае нейтрально.

Но Аингеру вовсе не нейтрален.

«Спутница» саксофониста занимает его намного больше, чем сам саксофонист. Чем труп, у которого случились трения с саксофонистом, еще когда он был вполне себе живым и здоровым Кристианом Платтом, гражданином Великобритании. Отсюда и легкий румянец на щеках парня, и выражение лица, которое можно назвать дурацким. А можно – мечтательным.

– Спутницей, вот как? Значит, саксофонист прибыл сюда

со спутницей?

– Они живут в разных номерах, хотя и приехали вместе...

– После того как вы поговорили с ней, инцидент был исчерпан?

– Да.

– Ее, конечно же, сейчас нет в отеле?

– Не знаю. Электронные ключи гости обычно забирают с собой, правилами это не возбраняется. Но я могу подняться к ней в номер... Позвать ее, если она на месте. И если вам так уж необходимо, переговорить с ней.

Аингеру готов сорваться с места, бросив на произвол судьбы стойку с компьютером, и это вовсе не любезность. Юнец и пальцем бы не пошевелил, чтобы угодить полицейскому инспектору, но готов использовать малейший предлог, чтобы увидеться с таинственной спутницей саксофониста.

Щенок!..

– Вы собирались распечатывать списки, не так ли? – с видимым удовольствием осаживает щенка Субисаррета.

– Да, но...

– А навестить дамочку я в состоянии и сам. В каком номере она остановилась?

Уже знакомое Икеру «пропади ты пропадом» снова искажает физиономию администратора, и он нехотя выдавливая из себя:

– Двадцать седьмой.

– А саксофонист?

– Рядом, в двадцать девятом.

– Что ж, пойду побеседую с нарушителями спокойствия... Хотелось бы также взглянуть на волшебный офис, который никогда не спит... Тот самый, где стоит принтер. Не находите, что десять вечера – не самое подходящее время для визита, а?

– Вот черт. – На Аингеру жалко смотреть. – Я и не подумал, что сейчас слишком поздно. Они наверняка закрыты...

– Наверняка. Но если бы вам вдруг пришлось отлучиться...

– Обычно я нахожусь на месте. И Виктор... Он всегда может подменить меня. Теоретически...

– Теоретически?

– В том смысле, что срываться с работы по какой-либо необходимости мне еще не приходилось. Но в случае чего... Виктор – славный малый, добросердечный, он никому не отказывает в помощи. Случись что-то срочное или непредвиденное, он может приехать в течение получаса.

– Но сегодня все не так?

– Похоже...

– Этот самый добросердечный Виктор должен был сменить вас в восемь?

– Да.

– А он до сих пор не явился.

– Я уже говорил, что это странно.

– Может, имеет смысл позвонить... этому самому Викто-

ру?

– Я звонил. Пока вы... э-э... были наверху.

– И?

– Он не отвечает.

– Хорошо, – после секундного молчания изрекает Субисаррета, хотя ничего хорошего в отсутствии ночного портъе (одного из потенциальных свидетелей) нет. – Оставайтесь здесь.

– А списки?

– Напишите их от руки. Думаю, что много времени это не займет.

Глава вторая: *отель «Пунта Монпас», 23 июля, 22 ч. 35 мин. по среднеевропейскому времени*

...Подняться на второй этаж «Пунта Монпас» – дело не минуты даже, двух десятков секунд, но за это время Икер успевает подумать об Аингеру: с чего бы это ему вздумалось морочить инспектору голову с распечатыванием списков? Действительно ли он забыл, что все офисы заканчивают свою работу не в десять часов – много раньше, и нет ли в этой забывчивости двойного дна?.. О ночном портье Викторе, не вышедшем на работу в положенное время, а еще о Лауре (едва ли не точной копии владелицы пансионата «Королева ночи», и почему мысль о почти фотографическом сходстве двух никогда не знавших друг друга женщин пришла только сейчас?). Лаура была мила, она искренне хотела помочь, но что-то в ее поведении не понравилось Субисаррете. Какая-то мелочь, сводящая на нет все ее прекраснодушные порывы. Она была излишне говорлива, она старалась отвлечь Субисаррету от главного, забрасывая это главное сухим хвостом слов. Первыми попавшимися под руку сучьями и ветками. Сук поразвесистее – история ее приштинского деверя

Арбена. Трагическая история младшей дочери Арбена Флори – маленькая ветка с одиноким, так и не распустившимся листком. А еще эта нелепая игра в вопросы и ответы об Азии, кошках, денежных знаках далекой Камбоджи – и все для того, чтобы инспектор Субисаррета не задал какого-нибудь вопроса, отвечать на который Лауре было бы неудобно. Вот оно! – горничная вела себя как человек, который боится быть пойманным за руку. В другое время Икер ни за что бы не выпустил эту скользкую руку, но сейчас он слишком занят мыслями об Альваро. О случившемся с Альваро.

Только об этом.

Дверь в номер, где произошло убийство, уже крест-накрест перетянута желтыми лентами, но почему-то приоткрыта. Щель небольшая, человеку в нее не протиснуться, а узкое окно в номере, если память Субисаррете не изменяет, было закрыто наглухо: так что порыв ветра, который мог бы сыграть такую шутку с дверью, исключается. Или это Иерай вернулся?..

Судмедэксперта в номере нет.

На первый взгляд в нем нет вообще никого, да и спрятаться здесь особо негде, но инспектора не покидает ощущение, что кто-то внимательно следит за ним. Наблюдает из укрытия.

– Эй? – произносит Субисаррета неожиданно севшим голосом. – Есть здесь кто-нибудь?..

– Эй? – передразнивает его тихий шелест, идущий неиз-

вестно откуда. – Эй?

– Кто здесь?..

Маленькая девочка лет восьми – вот кто. Она возникает перед Икером так неожиданно, что инспектор вздрагивает. Ничего пугающего в ребенке нет, это самая обычная девчонка, с ясным и чистым личиком, которые принято называть ангельскими. А ангел не может испугать взрослого человека, тем более полицейского инспектора, просто сработал фактор внезапности, вот у Икера и засосало под ложечкой. И еще... он никогда не сталкивался с ангелами лицом к лицу и потому не знает, спускаются ли они с неба (в случае с номером в «Пунта Монпас» – с потолка) и за их плавным приземлением можно проследить или материализуются из воздуха – и проследить за ними невозможно.

Икер склоняется к последнему, хотя для внезапно материализовавшегося ангела девчонка выглядит вполне буднично. Вместо традиционных крыльев за спиной и струящихся одежд – джинсы и футболка с каким-то мультяшным персонажем: то ли вислоухой собакой, то ли каким-то насекомым.

Слава богу, это не ночной мотылек.

– Ты что здесь делаешь? – спрашивает Субисаррета у псевдоангела.

– А ты? – отзывается ангел.

Где же она все-таки пряталась прежде, чем произнести свое насмешливое «эй»?

– Я первый спросил. – Субисаррета вдруг снова чувствует

себя десятилетним мальчиком, но обычное для десятилетних мальчиков чувство превосходства над девчонкой почему-то не возникает.

– Я ищу свою кошку. Теперь ты.

– Я тоже кое-кого ищу.

– Но это не кошка? – уточняет ангел.

– Нет. Человек.

Кажется, Лаура упоминала о ком-то из гостей, приехавших сюда с кошками, хотя правилами отеля содержание домашних животных в номерах не предусмотрено. И упоминала с явной симпатией, а дочь хозяйки кошек и вовсе удостоилась эпитета «ангелочек». Ангел стоит сейчас перед ним, бесцеремонно разглядывая инспектора. Да, пожалуй, взгляд темно-синих (редкий цвет!) глаз можно назвать именно бесцеремонным. Оценивающим. Так, возможно, оценивала бы Субисаррету взрослая женщина, решая про себя пококетничать ли с ним или, быстренько свернув разговор, отправиться по своим делам. Искать кошку в гордом одиночестве.

– Тебе нельзя здесь находиться, – замечает Икер.

– А кошке?

– Кошке тоже... нежелательно.

– А тебе?

– Мне – можно.

– Почему?

– Видишь ли... – Икер трет подбородок, стараясь подыскать нужную формулировку. – Я здесь в некотором роде по

долгу службы. Слежу за тем, чтобы с маленькими девочками вроде тебя не случилось какой-нибудь неприятности.

— А что с ними может случиться? — Ангел делает ударение на «с ними», произвольно отделяя себя от всех на свете маленьких девочек. Девочки — сами по себе, а он — сам по себе.

— Всякое. Если они оказываются в неподходящее время в неподходящем месте.

— Я всегда там оказываюсь, но до сих пор ничего страшного не произошло. А ты, наверное, полицейский, да?

В этом отеле любой, кого ни возьми, способен проявить чудеса проницательности. Сначала горничная Лаура, теперь вот маленький ангел в футболке с насекомым.

— С чего это ты взяла, что я полицейский?

— Желтые ленты, — охотно поясняет девчонка. — Они всегда там, где находится неподходящее место. И куда запрещен вход всем, кроме полицейских. Разве не так?

— Вот именно. И тебе не следовало сюда входить.

— Я ищу свою кошку.

— Я не вижу здесь никакой кошки.

— Конечно. Если бы она была на виду — я бы не искала.

Сказав это, ангел присаживается на корточки и начинает тихонько постукивать кончиками пальцев по полу.

— Может быть, ты просто позовешь свою кошку? — не выдерживает Икер.

— Это как?

– Как обычно их подзывают? Кис-кис-кис... У твоей кошки есть имя?

– Ну... – Пальцы ангела барабают по полу с бешеной скоростью. – Наверняка есть. Только я его не знаю.

– Странно. Выходит, это не твоя кошка.

– Моя, – упрямится ангел.

– А вот и нет. – Субисаррета испытывает страстное желание вывести врунишку на чистую воду. – Обычно хозяева дают своим кошкам имена.

Девчонка презрительно хмыкает, даже не удостоив инспектора ответом, сеанс разоблачения безнадежно провален. Более того, по прошествии нескольких секунд Икер обнаруживает себя на полу рядом с ней: теперь они оба заглядывают под кровать, на которой совсем недавно лежало тело Альваро Репольеса.

Никакой кошки там нет.

Там нет вообще ничего: ни пылинки, ни соринки (горничная Лаура, как бы ни относился к ней Субисаррета, знает свое дело), и тем не менее он испытывает волнение и безотчетный страх. Совсем как в детстве, когда любой, даже самый простой предмет был исполнен тайн. Что уж говорить о темноте под кроватью!.. По версии десятилетнего Икера, именно там, в этой темноте, пряталось все зло мира, с которым ничего не могли поделать ни дед, ни даже Иисус с Девой Марией. И только его друг, бесстрашный, нежный, немного рассеянный Альваро, был в состоянии справиться

со злом, вытащить его из темного угла и заключить в стеклянную бутылку из-под сидра. Или во что-нибудь другое, но такое же прозрачное. Горечь потери по-настоящему настаивает инспектора только сейчас, и он... он страшно скучает. Не по художнику Альваро Репольесу, тридцатипятилетнему мужчине, – по своему маленькому приятелю Борлито.

– Не очень хороший день, да? – спрашивает ангел, и Субисаррета, не ожидавший такого взрослого вопроса, вздрагивает.

– Да уж. Приятного мало. Давай-ка я провожу тебя к маме, раз кошка так и не нашлась. В каком номере вы остановились?

– В двадцать седьмом. Только мамы там нет.

Двадцать седьмой, вот оно что! Тот самый, который занимает спутница саксофониста. «Сущая прелесть», по определению Лауры, и двадцать седьмой номер она упоминала тоже. Странно, что инспектор не сопоставил замечание горничной и сведения, полученные от Аингеру, хотя говорили они об одном и том же человеке. А теперь к этому человеку прибавился еще и безнадзорный ангел, путешествующий по отелю в поисках одной потерянной кошки.

И где в таком случае вторая?

Но спрашивать про кошку совсем уж глупо, поэтому инспектор решает сосредоточиться на ангельской матери: вдруг девчонка, со свойственной детям непосредственностью, расскажет ему что-нибудь интересное о предмете воз-

дыханий гостиничного администратора. И о саксофонисте заодно.

– Куда же она подевалась, твоя мама?

Ответ поражает Субисаррету в самое сердце, так он безыскусен и страшен одновременно:

– Ее убили. Как и того человека, который здесь жил.

– Вот черт.

Икер чувствует себя совершенно беспомощным, остается лишь возненавидеть себя за случайно вырвавшуюся идиотскую фразу, при чем здесь «черт»? Совершенно ни при чем, но и другой, подходящей случаю фразы не находится: все эти «соболезную», «мне очень жаль», «прости» снуют в голове Икера, как рыбы на мелководье, но приноровиться и ухватить хотя бы одну из них не получается.

Рыбак из Субисарреты – тот еще, да и скаут неважнецкий, и небесный охотник, и похититель снов; темно-синие глаза ангела становятся еще темнее, и это – та самая темнота, которой так боялся десятилетний Икер.

Темнота под кроватью.

– Все в порядке, – ровным голосом произносит ангел. – Это случилось давно, когда мне было три года. А теперь мне восемь, и все в порядке.

– Соболезную... – рыба наконец поймана.

– Ты не обязан.

– Я просто...

– Я ведь сказала – все в порядке.

– Ладно, проехали, – сдаётся наконец Субисаррета. – Но ты же с кем-то приехала сюда, кроме кошек?..

Скажи она, что путешествует одна (и вовсе не с кошками, а с драконами или саламандрами), придумай любую небылицу, какими обычно бывает забита голова любого восьмилетнего ребенка, Икер бы поверил ей с ходу. Это противоречит одному из самых важных жизненных правил инспектора Субисарреты, которого он до сих пор строго придерживался: «Если не знаешь человека – никогда не верь ему на слово». Но с девчонкой правило не срабатывает, хотя они знакомы не больше десяти минут, ну что за напасть? Самое настоящее стихийное бедствие, а все из-за ее потемневших, неуловимо меняющихся глаз.

– Лали!.. – раздается за их спинами негромкий голос.

Далее следует короткая тирада на неизвестном инспектору, но чрезвычайно мелодичном языке. Или ему только показалось, что язык мелодичен, а все дело в самом голосе? Обернувшись, он видит тонкий силуэт женщины с кошкой на руках, вторая трется об ее ногу – все животные в сборе, пропажа обнаружилась сама собой.

Ангел вскакивает и тут же небрежно сует руки в карманы, изображая независимость. Но через несколько мгновений, чудесным образом не потревожив ни одну из желтых полос, оказывается рядом с женщиной. За этим следует короткий диалог все на том же языке, после чего девчонка исчезает в пространстве коридора, даже не бросив прощально-

го взгляда на инспектора. До этой минуты Субисаррета даже не задумывался о национальной принадлежности ангела: они разговаривали на испанском, и девчоночий испанский был безупречен. Но ведь они явно не испанки – ни девчонка, ни кошачья богиня... Их выдает масть, слишком светлая, впрочем, разглядеть женщину Икер еще не успел, так откуда же всплыло это определение – кошачья богиня?

Из-за кошек, из-за чего же еще? – мысленно успокаивает себя инспектор. В отличие от ангела, они даже не пытаются изобразить из себя независимых существ, они как будто приклеились к женщине и ни за что не хотят отлипнуть.

– Ола, – произносит женщина.

– Вы говорите по-испански?

Она качает головой, силясь понять Икера или что-то вспомнить, и наконец находит нужное: «ноу абла эспаньол».

Я не говорю по-испански.

На вид ей около тридцати или слегка за тридцать; короткая стрижка открывает шею и маленькие аккуратные уши. Все остальное так же безупречно: линия лба, тонкие, слегка нахмуренные брови, высокие скулы. Ее можно было бы назвать смуглой, но это не испанская подкопченная смуглость, какая-то другая. На первый взгляд в молодой женщине нет ничего особенного, среднестатистическая милашка, из тех горнолыжных милашек, которым подмигивал Альваро в Доломитовых Альпах. Такой, пожалуй, решил бы подмигнуть и сам Икер, без всяких катастрофических для себя

последствий.

Тогда почему в нем нарастает предчувствие катастрофы? Гораздо более серьезной, чем *темнота под кроватью*. От детских страхов легко отмахнуться, к примеру, взять и вырасти, стать полицейским инспектором. Но и инспекторы полиции изредка прогуливаются по мелководью с закатанными по колено штанами; отправляются в парк или – паче того – берут отпуск на неделю, чтобы скрыться от всех в охотничьем домике посередине дикого, реликтового леса (одна из предутренних грез Субисарреты, которая никогда не осуществится). Опасность состоит в том, что в лесу можно наткнуться на капкан браконьера, искусно задекорированный листьями папоротника – самого красивого, по мнению Икера, растения. Самого загадочного. И глазом моргнуть не успеешь, как, отвлекшись на папоротник, окажешься в капкане.

И ни одной живой души кругом, это ли не катастрофа?

Капкан – вот что живо напоминает Субисаррете лицо молодой женщины, – загадочное, как папоротник. И такое же красивое. Да, да, его можно назвать красивым, а не милым, симпатичным или приятным. Устоял бы Альваро Репольес перед этим лицом-папоротником, лицом-капканом? Как художник, как мужчина? Неизвестно, но имя одной из жертв уже отпечаталось в сознании Субисарреты: гостиничный примитив Аингеру.

– Я немного владею английским, – произносит Икер.

– Отлично, – оживляется кошачья богиня. – Тогда мы сможем побеседовать. Вы ведь хотели поговорить со мной, не так ли?

Еще одна провидица!

– Не только с вами, но начать можно и с вас. Я – инспектор Субисаррета, представляю здесь полицейское управление Сан-Себастьяна. Вы, наверное, уже знаете, что здесь произошло?

– Дурные вести распространяются быстро.

– Итак...

– Итак? – Во взгляде женщины нет той бесцеремонности, которая сопутствовала взгляду ангела, но и особого любопытства в нем нет. Этот взгляд можно назвать спокойным. Бестрепетным, как если бы она собиралась обсудить падеж крупного рогатого скота в Монголии. Или политическое устройство Непала. Любую вещь, находящуюся на максимальном отдалении от реалий ее собственной жизни.

А ведь речь идет об убийстве, совершившемся совсем рядом, у обычного человека это вызвало бы хоть какую-то реакцию. Хоть минимальный всплеск эмоций.

– Девочка приехала сюда с вами? – Инспектор планировал начать разговор с возможной свидетельницей совсем не так, но что сказано – то сказано.

– Да.

– Вам не мешало бы получше следить за ребенком. Ему вовсе не обязательно отираться рядом с местом преступления.

ния. И пропавшая кошка этому не оправдание...

– Лали сказала вам, что искала кошку? – Женщина вскидывает бровь.

– Что-то в этом роде...

– Она солгала.

– В смысле?

– Она солгала насчет кошки. Кошки были со мной, и она знала это. Видимо, ей просто хотелось оказаться здесь. Вот она и улизнула из номера.

Теперь уже реакции кошачьей богини выглядят не просто странными, а противоестественными. Как будто речь идет о походе в ближайшую кондитерскую, надо же! Они друг друга стоят – ангел и его компаньонка. Кто они, в каких отношениях состоят? Тетка и племянница? Две сестры с большой разницей в возрасте? Такой вариант тоже имеет право на существование. И снова инспектор задает совсем не тот вопрос, который хотел задать:

– И часто она... лжет?

– Не чаще, чем вы или я.

– Она сказала мне, что с ее матерью... э-э... произошло несчастье. Тоже солгала?

– Нет. Но это старая история, о которой мы предпочитаем не говорить.

Упоминание о матери ангела неуловимо меняет лицо-папоротник, оно кажется Икери припорошенным инеем, подернутым тонким ледком. И вот-вот сломается, как ломают-

ся обледеневшие листья, распадется на бессмысленные куски, смотреть на это больно. Так и есть, Икер чувствует легкий укол в сердце.

— Тогда давайте поговорим о дне сегодняшнем, если вы не возражаете.

— Нет.

— Как давно вы приехали сюда?

— Пять дней назад.

— Путешествуете по стране?

— Не совсем. Брат Лали получил приглашение на джазовый фестиваль, и мы здесь, чтобы его поддержать. Как-никак это его первое выступление перед серьезной публикой. Такое событие мы пропустить не могли.

— Лихо, — только и может выговорить Икер.

— Вы полагаете?

— Речь ведь идет о «Джаззальдии», да?

— Да. Вы поклонник джаза?

Поклонник — мягко сказано! Кошачья богиня имеет дело с джазовым фанатом, но распространяться об этом у Субисарреты нет никакого желания. «Джаззальдия» делает его мечтательным, излишне мягким, и это вовсе не те качества, которые положительно характеризуют инспектора полиции. А Икер выступает здесь именно в роли инспектора, ни в какой другой.

— Я — поклонник правопорядка. И если на вверенной мне территории случилось что-то из ряда вон выходящее, я до-

копаюсь до истины. Будьте уверены.

– Несомненно. – Губы женщины трогает улыбка.

– Итак, вы прибыли сюда пять дней назад. Примерно в это же время сюда заселился Кристиан Платт, гражданин Великобритании.

– Он – тот самый человек... с которым произошло несчастье?

– Его убили, так будет точнее.

– Да, конечно. Убили, – без всякого выражения произносит кошачья богиня. – Но моя семья не имеет к этому никакого отношения. Мы даже не видели его...

– Неужели? Администратор гостиницы сказал мне, что у вас возникли трения с покойным. Нечто вроде небольшой коммунальной склоки...

– А-а... Вы имеете в виду его жалобу на Исмаэля?

– Исмаэля?

– Исмаэль – брат Лали. Тот самый, что получил приглашение на фестиваль.

– Он ведь саксофонист, не так ли?

– Да. Теперь я вспомнила. Исмаэль говорил мне, что к нему заглядывал кто-то из соседей с просьбой приглушить звучание инструмента.

– И?

– Просьба была выполнена.

– Администратор беседовал с вами о том же?

– Он беспокоился напрасно. Говорю вам: просьба была

выполнена. Немедленно. Обычно мы никому не причиняем неудобств.

– Мы?

– Наша семья.

Вот уже второй раз за последние несколько минут звучит это словосочетание: «наша семья». С братом и сестрой все более-менее понятно, но какая роль отведена самой кошачьей богине?

– Я – опекун девочки, – как будто прочитав мысли Субисарреты, заявляет женщина. – Вот уже пять лет, с тех пор, как погибли ее родители.

– А кошки?

– Когда я говорю о семье, я имею в виду и кошек.

– Вы всегда путешествуете с ними?

– Дети очень привязаны к этим существам, так что приходится мириться с некоторыми трудностями при переездах. Но в большинстве гостиниц нам обычно идут навстречу.

Стоит ли приплюсовать сюда перелеты, передвижение по железной дороге, морские прогулки на паромах повышенной комфортности? Детские привязанности, должно быть, стоят недешево, да и для домашних животных любое путешествие может обернуться стрессом. Если это... не какие-нибудь особенные кошки! Но присмотреться к кошкам до сих пор не удалось: как ни старался бы Субисаррета – сфокусироваться на четвероногих созданиях не получается, виден лишь общий абрис, да и тот – довольно размыт.

– Вернемся к Кристиану Платту. Значит, вы не сталкивались с ним все это время? Ни в коридоре, ни в холле?

– Определенно нет.

– А... дети?

– Исмаэль разговаривал с ним, если это тот самый человек, которому так мешал саксофон.

– Это – тот самый человек.

– Тогда вам лучше обратиться с вопросами к Исмаэлю. Когда он вернется.

– Его нет в гостинице?

– Все его время посвящено фестивалю, как вы понимаете. В гостинице он почти не появляется. Уходит ранним утром и возвращается, только чтобы переночевать.

– Как рано он уходит?

– Ему двадцать один, и он – вполне самостоятельный юноша. Так что за его передвижениями я не слежу.

– А девочка? Судя по всему, за ней вы тоже не особенно следите...

– Трудно уследить за ребенком, который считает себя взрослым. Но я стараюсь. Видите ли... Лали не совсем обычная девочка...

– Я это уже понял. Ее родители были испанцами?

– С чего вы взяли?

– Она разговаривала со мной без всякого акцента.

– Без всякого акцента она говорит еще на нескольких языках. И ее родители не были испанцами. Это имеет какое-то

отношение к произошедшему здесь?

– Если девочка говорит еще и по-английски... К тому же, как я заметил... она довольно непоседлива... Не исключено, что она общалась и с Кристианом Платтом.

– Вы хотите допросить и ее?

– Я бы хотел побеседовать с ней.

– У вас уже была возможность побеседовать с ней, не так ли?

– Мы перекинулись парой слов о пропавшей кошке, не более того. Я хотел бы поговорить... э-э... более предметно.

– Я могу присутствовать при разговоре?

– Лучше будет, если беседа произойдет с глазу на глаз.

– Ей всего лишь восемь лет, инспектор.

– Послушайте... Вы сами сказали, что она солгала насчет кошки. Что ей просто хотелось оказаться здесь. Почему?

– Это относится к истории, о которой мы предпочитаем не говорить.

– Гибель ее матери?

– Да, – нехотя отвечает кошачья богиня. А кошка, до сих пор смирно сидевшая на ее руках, начинает проявлять признаки беспокойства. Неизвестно, что происходит со второй – той, что жалась к ногам. Ситуация прояснилась бы, если бы Субисаррета бросил на нее хотя бы взгляд, один-единственный, но... Лицо-папоротник (все же лучше назвать его капканом) не отпускает инспектора. Вот почему он не смог сосредоточиться на животных – все это время он глазел на

женщину, оттого и кошки оказались в расфокусе.

Неожиданное открытие потрясает. Не то чтобы в жизни Икера не было девушек – они случались; некоторые из них были по-настоящему красивы, некоторые – эффектны, большинство же можно было назвать «симпатичными мордашками». На одной из них, Лусии, секретарше из риелторской фирмы, он даже собирался жениться, но в самый последний момент получил отказ. Лусию, девушку до невозможности хорошенькую и до невозможности же практичную, не устроили ни его работа, ни зарплата, ни жизненные перспективы.

– У тебя ненормированный рабочий день, Икер, – так и заявила она, прежде чем отказать.

– Такое бывает нечасто, – как мог защищался Субисаррета.

– А если тебя убьют?

– Такое бывает еще реже.

– Но ты же полицейский!

– Не всякий полицейский – кандидат на дырку в голове, уж поверь.

– И у тебя не слишком выдающаяся зарплата. Как ты собираешься кормить семью?

– Как-нибудь прокормлю. У меня большие планы, дорогая моя. Когда-нибудь я стану начальником управления...

– Когда? – Работа в риелторской фирме приучила Лусию к конкретике.

– Лет через пятнадцать, – соврал Икер, должность началь-

ника управления не светила ему вовсе. — А там и до министра внутренних дел недалеко.

— Лет через двадцать пять? — немедленно уточнила Лусия.

— Примерно...

— Лет через двадцать пять — все равно что никогда. Вот если бы года через три... Пять — максимум... Я не говорю о министерстве, я — реалистка. Я говорю всего лишь об управлении.

— А через год? Это тебя бы устроило?

— Такое возможно?

— Нет, — вынужден был признать Икер. — Честно говоря, моя работа мне нравится. И я вовсе не тороплюсь просиживать штаны в кресле начальника... Или в министерстве. Если ты меня любишь, то поймешь.

Должно быть, Лусия не слишком любила Икера Субисаррету, поскольку после этого разговора их отношения стремительно покатались к закату. Поначалу она еще находила благовидные предлоги, чтобы отказаться от свиданий, а потом открытым текстом сообщила, что не видит смысла во встречах. Икер, конечно, замечательный парень, но ей нужен кто-то поспокойнее. Понадежнее, с более ясным представлением о будущем. И с самим будущим, если уж на то пошло. А планировать что-то с полицейским, даже не зная, вернется ли он целым и невредимым хотя бы ближайшим вечером, — удовольствие не для нее. Так что пусть Икер поищет себе другую — блаженную страстотерпицу. Мифическую Пенело-

пу, способную ждать годами, вот так!..

– Это какой-нибудь начальник? Тот, кто тебе нужен? – поинтересовался Икер. – Мелкий прыщ, который со временем обещает вырасти в фурункул?

От прямого ответа Лусия ушла, попросив Икера впредь не беспокоить ее звонками, а спустя полгода инспектор узнал, что она вышла замуж за своего босса-риелтора, переехала в Валенсию и, кажется, ожидает ребенка.

Тогда Икер мысленно пожелал бывшей подружке счастья и поклялся себе никогда не жениться, а всех хорошеньких (неуловимо похожих на Лусию) девушек обходить стороной. Вторую часть клятвы выполнить не удалось, и время от времени в его жизни возникали красотки, милашки и цыпочки. Но требовали они того же, что и Лусия: гарантированного отсутствия неожиданностей, с которыми так или иначе связана его работа. И самой работе хорошо бы потесниться, пропустив на первое место семью. А таких гарантий честный Икер дать не мог, и все его романы терпели фиаско, один за другим.

...Кошачья богиня, стоящая сейчас напротив, вовсе не была красоткой. Субисаррета даже не знал ее имени, не знал, откуда она приехала и куда направится дальше со своими кошками, ангелом и саксофонистом, – так почему он не может отвести от нее взгляда?

Это все «Джаззальдия», это она превращает циников в романтиков и похитителей снов, почему он не сказал этой ко-

роткостриженной женщине, что он – поклонник джаза? Тогда у них возникло бы чуть больше точек соприкосновения, а общение не пришлось бы ограничивать желтыми полицейскими лентами... Мадре миа, и о чем он только думает?

– Забавные создания. – Икер в очередной раз попытался отделаться от лица кошачьей богини, хотя прилагательное «кошачья» можно было бы уже и опустить – за ненадобностью. – Они всегда мне нравились.

– Кошки?

– Да. Как их зовут?

– Никак.

То же самое сказал ему ангел. Но ангелу всего лишь восемь, и голова его забита невесть чем, а вот от тридцатилетней, вполне здоровой женщины он мог бы ожидать и другого ответа.

– Странно, вы не находите?

– Нет. – Женщина снова улыбается, на этот раз снисходительно. – Мы привыкли.

– Ну хорошо. У кошек нет имени. А как зовут вас?

– Дарья, – просто говорит она. – Не знаю, как воспроизвести это на испанском...

– Дариа? – старательно повторяет Икер.

– Это русское имя. Я – русская.

Русская!.. За долгие годы работы Икер сталкивался с русскими всего лишь несколько раз, и это были не самые приятные знакомства: парочка мелких наркодилеров, с полдю-

жины проституток, один международный аферист, специализирующийся на торговле элитной недвижимостью (владелец коллекции из пяти поддельных паспортов); один владелец автомастерской, где перелицовывали краденые автомобили. В поле зрения полиции русские попадали гораздо реже, чем цыгане, марокканцы или колумбийцы, но это не может служить оправданием тому, что знания Субисарреты о России весьма поверхностны. Вернее, их нет вовсе. Россия – в противовес Испании – холодная страна, там никому и в голову не придет улыбнуться незнакомому человеку. А легкое вино заменяет тяжелая водка, которую пьют, чтобы хоть немного согреться. Кажется, Россия – страна великой культуры, страна философов и поэтов, неплохо было бы вспомнить хотя бы одно сакральное для русских имя!.. Но ничего, кроме проклятой водки, международного афериста и Дианы Бирнбаум (так звали одну из потаскух), Субисаррете на ум не приходит.

Вряд ли Диана Бирнбаум была поэтом, а уж тем более философом, надо бы купить водки в ближайшем к дому супермаркете, чтобы проникнуться русским духом.

– Значит, вы приехали из России... – Светский тон дается инспектору с большим трудом.

– Нет. Я давно не была в России.

– А девочка? Она тоже русская?

– Наполовину. Ее отец был англичанином.

Так же, как и Кристиан Платт, в котором инспектор Суби-

саррета упорно не хочет признавать своего друга Альваро. Но сейчас его волнует совсем не национальность родителей ангела.

– Как долго вы пробудете в Сан-Себастьяне?

– Недолго. Через два дня мы уезжаем.

– Если интересы следствия потребуют, вам придется задержаться, – говорит Икер первое, что приходит в голову.

– Не думаю, что в интересах следствия задерживать ни в чем не повинных людей только потому, что они имели несчастье проживать в гостинице, где произошло преступление.

– Убийство, если быть совсем точным. Сегодняшней ночью вы не слышали ничего подозрительного?

– По ночам я сплю достаточно крепко.

– А перед рассветом? Может быть, шум? Голоса? Посторонние звуки?

– Тело обнаружили не так давно, насколько я понимаю? – вопросом на вопрос отвечает русская Дарья.

– Несколько часов назад.

– Если бы кто-то услышал нечто подозрительное, вы оказались бы здесь намного раньше, не так ли?

– Кажется, сроков произошедшего я не уточнял. И не говорил вам, когда именно было совершено убийство.

– Это нетрудно предположить, исходя из логики ваших вопросов. К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я ничего не слышала, ни ночью, ни перед рассветом. Не просыпалась от посторонних звуков, и никакие голоса в коридоре

меня не беспокоили.

С самого начала все пошло не так. Полноценный опрос свидетеля обернулся сплошным лирическим отступлением, а когда Икер все же попытался вернуть дамочку к существу дела – получил в ответ пару едва ли не издевательских реплик. Все это злит Субисаррету, но еще больше то, что он по-прежнему не может отвести глаз от ее лица.

– Понятно. Я все же хотел бы переговорить с членами вашей семьи. Девочкой и ее братом. Особенно с братом. Когда он вернется?

– Не знаю. Может быть, через полчаса. Может быть, утром.

– Я оставлю вам свой номер телефона. Как только он появится...

– ...я позвоню вам.

– Отлично.

– Я могу идти?

– Да, конечно.

Сейчас она уйдет, исчезнет в глубине коридора, как исчез ангел. Быть может, если бы визитка Субисарреты была другой... со скромной припиской после имени – «машинист поезда на Чаттанугу», это заинтересовало бы ее хотя бы ненадолго, вызвало улыбку и желание поговорить о поездах. О Чаттануге, в конце концов, это всего лишь маленький город в штате Теннесси, да и движение поездов на местную станцию давно прекращено.

Железнодорожный тупик – вот что такое теперь Чаттануга, если смотреть на нее из кабины машиниста.

Тупик, о да! Потому что в настоящей визитке Икера значится «инспектор полиции». И поводов, по которым этой визиткой можно воспользоваться, до смешного мало. И позвонят по указанному в ней телефону всего лишь один раз, когда проявится ангельский брат-саксофонист. Разговор с ним (как подозревает Субисаррета) кардинальных прорывов не принесет: уж таковы все музыканты, живущие в своем собственном мире, а он имеет не так уж много точек соприкосновения с миром, где иногда случаются кровавые преступления.

Сейчас она уйдет, сейчас.

– Вы когда-нибудь бывали в Брюгге? – неожиданно для себя спрашивает Икер.

– Что?

Легкое движение, но связано оно не с самой женщиной – с кошкой. До сих пор она вела себя смирно, сидя на руках у хозяйки (что не очень свойственно этим непоседливым животным), и оживилась лишь однажды, когда русская упомянула о темной истории с матерью ангела. Теперь же ее беспокойство усилилось в разы: она поводит ушами в сторону Икера, приоткрывает пасть и издает странный звук, что-то вроде «ш-ш-ш». Звучит как предупреждение, только вот – кому? О чем?.. Грациозное создание, ничего не скажешь! Заостренная мордочка, огромные глаза-миндалины – не зеленые и не

желтые, как у большинства собратьев, скорее, янтарные. Тот самый янтарь, в который частенько бывают впаяны насекомые, навсегда исчезнувшие растения, морские коньки. Икер и сам чувствует себя морским коньком, со всех сторон окруженным тягучим янтарем: невозможно даже пошевелиться, тело цепенеет, он не чувствует рук и ног – как будто их не существует вовсе. Впрочем, это состояние не длится и пары секунд, но оставляет неприятный осадок и легкую дрожь в позвоночнике.

– В Брюгге. – Слова даются Икери с трудом, как будто глотка тоже оказалась залитой зловещей янтарной массой.

– Почему вы об этом спрашиваете?

А отчего забеспокоилась кошка? И отчего бы ее хозяйке просто не ответить на безыскусный вопрос? Например: «Нет, а почему вы об этом спрашиваете?» – и это означало бы, что она не была в чертовом Брюгге. Или – «Да, а почему вы об этом спрашиваете?» – и это означало бы... Ничего бы это не означало, каждый год Брюгге всасывает в себя миллионы туристов и иногда проглатывает с потрохами, как его друга Альваро Репольеса. Чтобы выплюнуть затем Кристиана Платта, гражданина Великобритании с проломом в черепе.

– Мне показалось, что я уже видел вас когда-то...

Животному явно не по душе вранье инспектора, шипение нарастает и звучит теперь с удвоенной силой: к первой кошке присоединилась вторая.

– В Брюгге? – уточняет Дарья.

– Да. Пару лет назад. У меня прекрасная память на лица.

– На этот раз она вас подвела.

– Значит, нет?

Несколько секунд она раздумывает, успокаивающе поглаживая кошку между ушами. И в этот момент откуда-то издали, от лестницы, ведущей на первый этаж, раздается окрик:

– Дарлинг!..

Окрик адресован собеседнице Икера, и, кажется, воспринят ею с облегчением. Тему с Брюгге можно считать закрытой, тем более что косвенный ответ дан.

– Вам повезло, инспектор. Исмаэль появился даже раньше, чем я думала, и вы можете поговорить с ним.

Исмаэль – брат ангела и саксофонист. Третий член семьи, если не брать во внимание безымянных шипящих кошек. И Исмаэль – черный. Хрестоматийный африканец. Таких африканских парней полно на набережных и пляжах Сан-Себастьяна, они торгуют пиратскими дисками, поддельными сумочками «Луи Виттон», дешевой китайской электроникой и солнцезащитными очками. При желании в их карманах можно отыскать пару пакетиков с кокаином, но в обязанности инспектора полиции подобный шмон не входит. Зато любопытно было бы взглянуть на содержимое карманов Исмаэля. Наверняка там обнаружатся ключи от элегантной спортивной тачки, бумажник из хорошей кожи, распухший от кредиток, и... записочки с номерами телефонов, которые

суют ему самые очаровательные девушки. На четной стороне улицы, и на нечетной тоже; в лаунж-барах, в клубных чилаутах, в маленьких бистро. Суют в тайной надежде, что он позвонит им, хоть когда-нибудь. И все потому, что этот юноша по-настоящему красив и, в отличие от вороватой пляжной мелочи, в нем чувствуется порода. *Принц крови* — наверное, так назвал бы его Альваро, немедленно потянувшись за карандашом и блокнотом. От темнокожего принца веет легкой надменностью никогда и ни в чем не нуждавшегося человека. Он высок, широк в плечах и прекрасно сложен. Свободный летний костюм (брюки и пиджак с закатанными по локоть рукавами) лишь подчеркивает это. Голову африканца украшают дреды, шею — золотой медальон, а запястья — кожаные браслеты, по одному на каждое. Едва появившись, черный Исмаэль отбрасывает гигантскую и такую же черную тень на русскую, делает ее еще более загадочной.

И снова этот язык!..

Всего лишь пара реплик, которыми они обменялись в перерывах между родственным поцелуем и пожатием рук, но и их достаточно, чтобы Икер впал в ярость. О чем шушукаются эти двое? Договариваются, как бы половчее соврать относительно сегодняшнего утра? Относительно саксофонного скандала, относительно кошачьих имен, относительно Брюгге? Чертов Брюгге сидит в голове инспектора раскаленным гвоздем, но вряд ли он будет звучать иначе, чем просто «Брюгге» — на любом языке.

– Это инспектор полиции, Иса, – снова переходит на английский Дарья. – Он хотел задать тебе несколько вопросов.

– Хорошо. – Ни капли удивления в голосе, как будто беседа с инспектором полиции – самое будничное на свете дело и с успехом заменяет ежедневное бритье. – Может, лучше пройти ко мне в номер?

– Да, конечно, – нехотя соглашается Икер.

Пройти в номер к африканцу означало бы расстаться с русской. Но и избавиться от янтарного кошачьего взгляда – тоже. Кошки (по крайней мере одна из них) нервируют Субисаррета, вносят смятение в и без того нестройные мысли.

– Я вам больше не нужна? – вежливо напоминает о себе Дарья.

– Я все же хотел бы переговорить с девочкой. Если это возможно.

– Боюсь, что нет. Восьмилетним девочкам в это время положено спать, даже если они считают себя взрослыми.

– Завтра с утра? – не сдаётся Субисаррета.

– Я позвоню вам.

Тон, которым произнесена последняя фраза, хорошо знаком Икери: его практиковала Лусия, когда пыталась отделаться от опостылевшего полицейского воздыхателя. И не было случая, чтобы она перезвонила.

Но сейчас речь идет не о любовных отношениях, а об убийстве, и Субисаррета вправе проявить настойчивость.

– Тогда я не прощаюсь.

– Как вам будет угодно.

Сказав это, русская спускает с рук кошку (наконец-то!) и, коснувшись кончиками пальцев локтя Исмаэля, что-то тихо произносит на языке, который Субисаррета уже успел возненавидеть. Непонимание – вот что рождает химеры ненависти. Лингвистическое убежище, в котором эти двое решили скрыться от Субисарреты, выглядит весьма и весьма подозрительно: в углах его притаилась темнота, а янтарные стены испещрены зазубринами, повторяющими конфигурацию раны на затылке Альваро-Кристиана.

Некоторое время оба мужчины смотрят вслед удаляющейся по коридору фигуре, вслед кошкам, семенящим по бокам от нее.

– Что она вам сказала? – спрашивает Икер у африканца.

– Попросила зайти к ней в номер перед сном, – просто-душно отвечает тот.

– Зачем?

– Сказка на ночь для моей маленькой сестры. Это наша семейная традиция, но вряд ли она будет вам интересна.

– А язык, на котором вы говорили?..

– Русский. Моя мать была русской.

Странно слышать это от чернокожего человека, хотя... Кто их знает, русских? И разве сама троица не показалась инспектору странной? И кошки... Как бы ни старался Субисаррета думать о них, как о безобидных домашних любимцах, после того как он заглянул в глаза одной из них, – ни-

чего не выходит.

– Я слышал, с вашей матерью произошло несчастье.

– Мне бы не хотелось это обсуждать.

– Я понимаю, простите...

...Номер, который занимает саксофонист, – точная копия номера с убийством. Разница лишь в том, что пространство выглядит более обжитым: тройная фотография на тумбочке у кровати, она забрана в рамку из красного дерева и больше всего напоминает маленький переносной алтарь. У стены с узким окном стоит раскрытый чемодан, а маленький стеклянный столик полностью занят чехлом от саксофона.

– Администратор сказал мне, что у вас произошел конфликт с убитым...

– Это нельзя назвать конфликтом. Меня попросили не играть на саксофоне по вечерам, и я всего лишь выполнил просьбу.

– И больше вы не встречались с соседом из номера напротив?

– В тот вечер мы виделись первый и последний раз.

– А как прошла сегодняшняя ночь? Ничто вас не беспокоило? Может быть, посторонний шум?

– Ночь прошла прекрасно. И шума было предостаточно, учитывая, что я провел ее в клубе... Э-э... «Эль Пахарито», вот как он называется.

«Эль Пахарито». Птичка.

Название ни о чем не говорит инспектору, ведь он не лю-

битель увеселений, тем более ночных. К тому же ему тридцать пять, а не двадцать, как этому сопляку, и трястись на танцполе в столь почтенном возрасте было бы глупо. Конечно, он осведомлен о бурной ночной жизни города и в начале своей сан-себастьянской карьеры даже принимал участие в облавах на продавцов травки и экстази, подвизающихся при клубах и дискотеках, но «Птичка» в списке сомнительных заведений точно не фигурировала.

– Меня пригласили выступить там с программой, – уточняет Исмаэль. – Это джазовый клуб. Он открылся совсем недавно.

Джазовый, да. Икер мог бы сообразить и сам, учитывая саксофон на столике. И название – оно наверняка не случайно: Чарли Паркера, великого джазового саксофониста, тоже звали *пташкой*, нетрудно предположить, что и интерьер новоиспеченного клуба украшен его фотографиями... А в углу стоит старенький джукбокс, время от времени выплевывающий Чарли, и Диззи⁸, и Сэчмо⁹, и Джона Колтрейна. И – о, счастье! – никакой Жюльетт Греко.

Все это «Джаззальдия».

Именно она заставляет инспектора Субисаррету думать о гениях джаза, в то время как он должен думать о преступлении, совершенном на противоположной стороне коридора.

– Когда вы вернулись?

⁸ Диззи Гиллеспи.

⁹ Луи Армстронг.

– В начале седьмого утра. Добрался сюда на такси и еще успел переброситься парой слов с портье на ресепшене...

– Тем, что сидит сейчас внизу?

– Нет.

Ночного портье зовут Виктор, именно на его смену пришлось убийство, именно его ждал к восьми администратор Аингеру. Но Виктор не явился, и ни один его телефон не отвечает.

– Кажется, того звали Виктор. Во всяком случае, именно это имя было написано у него на бэйдже.

– И о чем вы говорили с Виктором?

– О том, что Сан-Себастьян – лучший город мира, о чем же еще? Он посоветовал мне пару модных мест, рассказал, чем пляж Ла Конча отличается от пляжа Сурриолы, и еще про Аквариум.

– Про Аквариум?

– Портье – фанат Аквариума в Океанографическом музее, насколько я понял.

– И любитель поговорить?

– Беседа не заняла больше трех минут. После этого я поднялся к себе в номер.

– Никого не встретили на лестнице или в коридоре?

– Нет.

– Все было тихо?

– Да.

– А потом?

– Потом я лег спать и проснулся около полудня. Принял душ, оделся и отправился в город. А до этого созвонился со своими... Они, в отличие от меня, – жаворонки и уже успели нагуляться, прежде чем я присоединился к ним. Мы вместе позавтракали. Вернее, я позавтракал, а они пообедали. Потом мы отправились в Аквариум.

– По совету Виктора?

– Аквариум значился у нас в программе еще до Виктора. Моей маленькой сестре чрезвычайно нравится все, что касается обитателей подводного мира. И она очень хотела посмотреть на знаменитый туннель с рыбами. И на акул.

– А кошки?

– Кошки?

– Кошки посетили Аквариум вместе с вами?

– Они остались в номере.

Остались в номере, как и положено домашним животным. Субисаррета чувствует странное облегчение: не стоило ему так демонизировать хвостатых. При всей своей экзотичности они всего лишь существа, полностью зависимые от человека. И зло, которое они могут причинить, строго регламентировано: царапины, укусы, на худой конец – лишай; да и ворота в преисподнюю охраняют вовсе не кошки, но кто конкретно – Икер позабыл.

– Не накладно путешествовать с таким зоопарком?

– Мы привыкли. – Черный принц крови снисходительно улыбается. – И потом, это кошки, а не тигры.

– Очень красивые создания.

– Ориенталы.

«Ориенталы» – вот как называется эта порода. Не мешало бы запомнить. Заглянуть в Интернет при случае, чтобы узнать повадки ориенталов, а заодно поискать информацию о цвете их глаз.

– Она тоже очень хороша...

Икер снова отвлекается от магистральной темы разговора. Хотя и разговаривать больше не о чем: эту ночь принц провел в клубе (наверняка найдется сотня свидетелей, которые смогут это подтвердить), он не видел и не слышал ничего подозрительного по возвращении в «Пунта Монпас», беседа с Виктором на ресепшн крутилась вокруг самых незатейливых туристических тем. Так почему бы теперь, когда профессиональный интерес инспектора удовлетворен, не поговорить о личном?

– Она?

– Женщина, которая опекает вашу сестру. Она ваша родственница?

– Она больше чем родственница. Она многое сделала для нашей семьи. И продолжает делать. У нас особые отношения, но я не намерен это обсуждать.

То, что это «особые» отношения, ясно по прикроватному алтарю. По трем фотографиям в деревянных рамках. На двух из них сняты те, с кем Икер уже успел познакомиться: русская Дарья, ангел и сам Исмаэль (кошек на снимках

нет). Один из снимков сделан на открытом воздухе и полон солнца; за спиной троицы просматривается большой приземистый дом, слишком мрачный для солнечного дня. Второй снимок можно назвать интерьерным, и на нем нет уже Исмаэля, только ангел и русская. Русская сидит в высоком кресле с резной спинкой, ангел устроился у нее на коленях. Обе делают вид, что читают книгу, но не забывают при этом исподтишка поглядывать в объектив. Третья фотография (она черно-белая и расположена в центре) резко контрастирует с остальными. Если два других снимка мог сделать кто угодно, пусть даже и кошки, то в этом явно прослеживается рука мастера. Настоящего художника. И объектом приложения его сил стала женщина. Лет тридцати пяти – сорока, очень красивая: перед фотографической, без всяких следов ретуши, красотой этой женщины меркнет и сходит на нет полузабытая красота Лусии и всех девушек, которых знал или когда-либо видел Икер. Даже русская, о которой инспектор неотступно думает, даже она не в состоянии тягаться с женщиной со снимка. Хотя... Они чем-то похожи. Вот только чем? Короткая стрижка, высокие скулы, нежный овал лица – на этом сходство кончается. И... начинается сходство с кошкой. Той самой, чей янтарный взгляд так испугал Субисаррету. Нынешнее внезапное открытие пугает не меньше, от него ломит затылок, а по спине бегут мурашки. Вот черт, за сегодняшний вечер Икера с переменным успехом одолевали самые разные (в основном детские) страхи, но этот страх

сильнее всех остальных, вместе взятых. От лица женщины веет опасностью, но это не опасность капкана, из которого всегда есть шанс вырваться. Это опасность зыбучих песков, в которых можно пропасть навсегда.

Наверное, это и есть мать девочки и юного саксофониста, – вот первая мысль, пришедшая ему в голову.

Хорошо, что она умерла, – вторая.

Все последующие мысли не имеют никакого значения, ими Икер пытается защититься от ощущения собственной ничтожности: только ничтожный человек может радоваться чужой смерти, если, конечно, речь не идет о кровном враге. Женщина со снимка – никакой не враг, всего лишь несчастная мать двоих детей, она погибла насильственной смертью. «Ее убили», – вот что сказал Икеру ангел. Возможно, люди, совершившие это злодеяние, думали так же, как инспектор, с поправкой на время: «Хорошо бы ей умереть». Вот и случилось то, что случилось. А он, полицейский, сам того не желая, оказался на одной волне с убийцами, и это удручает больше всего.

– Во время того недоразумения с саксофоном вы общались с соседом по-английски? – говорит Субисаррета, чтобы хоть как-то отвлечься от неприятных мыслей, которые вызвал портрет.

– Естественно.

– Никакого акцента вы не слышали?

– А должен был?

– Я просто задал вопрос.

– Нет, никакого акцента я не услышал. Это важно?

– Может быть. А может быть, и нет.

Любимая фраза Альваро. Ее брал напрокат сам Субисаррета, и не где-нибудь, а в Брюгге. Но с тех пор прошло два года, и все это время фраза пылилась в глубинах Икорова сознания, ни разу не востребованная. С чем связано ее возвращение? С трупом Кристиана Платта в красной пижаме или с обитателями номеров двадцать семь и двадцать девять?..

– Вы когда-нибудь были в Брюгге, Исмаэль?

В отличие от русской, африканец не медлит с ответом ни секунды:

– Мой первый опыт публичных выступлений связан с Брюгге. Прошло не очень гладко, но Брюгге мне понравился.

– И как давно вы были в Брюгге?

– Это имеет какое-то значение? В позапрошлом году. Май или июнь, точно не вспомню, но было довольно тепло.

– А... ваша семья?

– Мы почти никогда не расстаемся, и Брюгге не стал исключением из правил.

Позапрошлый год. Май или июнь. Не исключено, что художник Альваро Репольес и саксофонист Исмаэль находились там в одно и то же время. В одни и те же дни. Или день. И Исмаэль был там не один – с русской Дарьей, которую он зовет Дарлинг. С сестрой и кошками. Но главное – с русской, а она сказала инспектору, что знать не знает ни о каком

Брюгге.

Почему она солгала?

Быть в Брюгге — не преступление. Не постыдный факт биографии, который необходимо тщательно скрывать от посторонних глаз. Наоборот, Брюгге — самая настоящая жемчужина в коллекции воспоминаний любого путешественника. Из Брюгге тащат все, что под руку подвернется: тонны фотографий и видеозаписей, рекламные проспекты, сувенирные кружки, брелоки, магниты на холодильник, футболки с надписью «**I LOVE BRUGGE**»; кружева и шоколад местного производства. Со временем кружева желтеют, а шоколад покрывается белесым налетом, что делает воспоминания о Брюгге еще более щемящими. Даже Икер, приехавший в Брюгге совсем не как турист, не удержался от покупки дурацкого магнита и набора открыток «Западная Фландрия». Открытки, правда, таинственным образом исчезли, а магнит Икер снял с холодильника сам.

Чтобы мысли о пропавшем Альваро не мозолили глаза всякий раз, когда нужно достать пиво.

— Вы действительно никогда раньше не видели Кристиана Платта?

— Кто это? — недоумевает Исмаэль.

— Человек, которому мешал ваш саксофон. И которого убили.

— Вот как? Надеюсь, вы не ищете связь между этими двумя событиями?

– Нет. Просто спрашиваю, не виделись ли вы раньше?

– Я же сказал, в тот вечер я видел его в первый и последний раз.

– Может быть, в Брюгге?

– Определенно нет.

– Хорошо. Имя Альваро Репольес ни о чем вам не говорит?

– Никогда о таком не слышал.

– Альваро Репольес. Художник.

– Увы.

– Он – один из лучших современных художников Испании. – Неуклюжий реверанс в сторону друга: Альваро, будь он жив, только поморщился бы от подобных высокопарных высказываний.

– Живопись не мой конёк, инспектор. Сожалею.

Ни о чем он не сожалеет, этот принц крови. Он улыбается, как и положено принцу, – сдержанно и снисходительно одновременно. И Субисаррета готов поклясться: он уже видел эту улыбку. Вот только где? Не мешало бы отделить ее от лица и рассмотреть пристальнее. Альваро – тот просто перенес бы ее на холст, в блокнот, изменил бы до неузнаваемости, сделал предметом. Или камерой хранения других предметов. Чье первоначальное предназначение позабыто напрочь, как первоначальное предназначение красной пижамы. Теперь это – новая кожа маленького Борлито, которую в трех десятках кварталов отсюда сдирает сейчас судмедэксперт.

перт Иерай.

– О живописи вам лучше поговорить с Дарлинг... С Дарьей. Она частенько покупает картины и уже собрала неплохую коллекцию. Но честно говоря, подписи «Альваро Репольес» я не видел ни на одном из полотен. Думаете, стоит на него раскошелиться?..

В ожидании ответа Исмаэль дергает себя за мочку уха. И этот жест тоже знаком инспектору, ну конечно!.. Второй джаззальдийский вечер! Мальчик-саксофонист, выступавший на разогреве у роскошных толстух из «Чикаго Блюз»!.. Он был по-настоящему хорош, особенно импровизацией на тему классической «'Round Midnight», Икер даже почувствовал комок в горле и подумал тогда... Что он подумал?

Этого мальчишку ждет большое будущее.

И мальчишка так же дергал мочку уха в перерыве между «'Round Midnight» и какой-то сентиментальной, чуть сладковатой балладой. Впрочем, к лежащей на поверхности сладости примешивалась подспудная горечь, и Икер подумал тогда... Что он подумал?

Этот мальчишка не очень счастлив.

А еще Субисаррета почему-то решил, что саксофон – не союзник мальчишки. Слишком разговорчивый малый, слишком доверчивый. И если бы мальчишка вдруг решил скрыть какую-то тайну, связанную с ним самим или с кем-то другим, саксофон обязательно бы выдал его. Вывел на чистую воду. Впрочем, эта мысль оказалась мимолетной и бы-

ла немедленно унесена потоком музыки, и больше не возвращалась. А потом Субисаррета и вовсе переключился на чикагских пухлых очаровашек. Но мальчишку-саксофониста он все же запомнил.

– А ведь я видел вас, – говорит инспектор Исмаэлю. – Позавчера. В театре Виктории Эухении. Вы отличный музыкант.

– А вы любитель джаза? – Улыбка принца, несмотря на лестный отзыв Икера, не претерпела существенных изменений. Она остается все такой же снисходительной и сдержанной.

– Можно сказать и так. Стараюсь не пропускать джазовые вечера, особенно в период «Джаззальдии». И хотел бы получить ваш автограф.

– Мой?

– Ну да. Вас ждет большое будущее.

«Инспектору Субисаррете с наилучшими пожеланиями. Исмаэль Слуцки» – именно такая запись появляется в истрепанном рабочем блокноте Икера спустя несколько минут. Почерк у Исмаэля – сплошное загляденье, все буквы ровные, приятной округлости. И – в качестве бонуса – инспектор получает еще маленький рисунок, прилепившийся к имени саксофониста: круглая рожица с характерными африканскими губами и вовсе не характерными ушами – треугольными, как у кошек-ориенталов. Рисунок довольно тщательно прорисован, что говорит о том, что Исмаэль Слуцки пока еще

не привык раздавать автографы. Чуть позже, когда «большое будущее» наступит, Исмаэль, скорее всего, будет обходиться лишь губами (без рожицы) и росписью (без всяких пожеланий). И почерк изменится в худшую сторону, что и понятно: когда ты нарасхват – каждая минута приобретает ценность. И тратить их на экзерсисы для множества поклонников – непозволительная роскошь.

– У вас красивая фамилия, – замечает Субисаррета.

– Это девичья фамилия моей матери.

Икер невольно бросает взгляд в сторону фотографического алтаря и тотчас же сталкивается со взглядом самого Исмаэля.

– Это она? Та, что в центре?

– Да.

– Красивая женщина. Очень красивая.

– Да.

– Я слышал, она... погибла?

– Да.

– Мои соболезнования. Надеюсь, те, кто совершил это, наказаны.

– Да. Но легче от этого не становится.

– Я понимаю вас. Я тоже потерял мать. Правда, много лет назад и при других обстоятельствах. Но легче от этого не становится, вы правы.

Исмаэль Слуцки слишком занят собой. Своим прошлым, своей семьей, своим саксофоном, чтобы интересоваться

личной жизнью незнакомого ему инспектора полиции. Но это даже и хорошо, ведь спроси он у Икера, что именно случилось с его матерью, пришлось бы выкручиваться и врать. Икер точно не знает, жива его мать или нет. Она оставила семью, когда ему не исполнилось и двух лет, сбежала в Аргентину с профессиональным танцором. Таким был итог посещения танцевальной студии, где танцор обучал всех желающих аргентинскому танго. Поначалу от матери приходили письма: у нее все в порядке, она почти счастлива, а абсолютно счастливой ей мешают стать мысли о малютке Икере, она думает о нем денно и нощно, но сейчас нет никакой возможности забрать его. Затем письма сменили открытки без обратного адреса, которые приходили раз в месяц, затем – раз в два месяца, затем – только на Рождество. Правда, однажды мать расщедрилась на небольшую бандероль с матросским костюмчиком для Икера, платком из органзы для бабушки и трубочным табаком для деда. Костюмчик оказался мал и навсегда был похоронен в бабушкином шкафу, а все остальное пришлось кстати.

Уже после смерти деда и бабки, разбирая вещи, Икер нашел тот детский костюм и платок – в него были завернуты письма и открытки. Перечитывать всё он не стал, ограничившись парой писем – тех, где мать еще скучала по малютке Икери. Почему он не стал разыскивать ее? Почему не сообщил о смерти стариков?

Ответа на этот вопрос нет и сейчас.

Но тогда неожиданно нашедшиеся открытки (собачонка с розовым бантом, два голубка, две мыши в костюмах пастухов гаучо и прочая сентиментальная дребедень) не вызвали в нем ничего, кроме ярости. А хуже всего были сами тексты – такие же приторно-сентиментальные, как изображения на открытках. Такие же фальшивые. У бабки хранился целый альбом с фотографиями молодой девушки, которая впоследствии стала матерью Икера. Кажется, она была довольно хорошенькой, но лица ее Икер не помнил. Не мог запомнить, как ни старался. Оно исчезало из памяти моментально, стоило ему захлопнуть альбом. А вместо него всплывало лицо певицы Жюльетт Греко, обрамленное черными волосами. Потом, на смену опостылевшей Греко, и вовсе пришла одна из мышей в костюме пастуха гаучо.

Имело ли смысл разыскивать мышь, пусть и облаченную в красное пончо?..

– Вижу, вы любили ее, – осторожно замечает Икер.

– Почему любил? Я люблю ее и сейчас. И буду любить всегда.

– Она гордилась бы вами.

– Надеюсь. Надеюсь, что она гордится...

Глава третья:

бюро городской судмедэкспертизы, 24 июля, 01 ч. 20 мин. по среднеевропейскому времени

...Полное имя Исмаэля – Исмаэль Дэзире Слуцки.

Полное имя кошачьей богини – Дарья Зарубинская.

Полное имя ангела – Умалали Барбер, имена кошек нигде не запротоколированы. Исмаэль и Дарья (Darya) являются гражданами Швейцарии, если верить Аингеру, который вроде бы видел их паспорта. В списках, которые он подготовил для инспектора, значится еще несколько десятков человек, половина из них – туристы из Южной Кореи. Корейцы богаче основной массы путешествующих китайцев, которые обычно останавливаются в хостелах или в гостиницах побюджетнее – где-нибудь на выселках, за грузовым портом Пасахес. При этом корейцы существенно беднее японцев, а у японцев нынче свои трудности – их страна медленно, но верно погружается в морскую пучину и скоро вовсе исчезнет с лица земли. Гибель Японии – тема гораздо менее актуальная, чем гибель Кристиана Платта, но именно о Японии рассуждает сейчас судмедэксперт Иерай Арзак.

– Как думаешь, куда они все подадутся, когда их острова

затопит окончательно?

– Не знаю. – Субисаррета не может отвести взгляда от мертвого тела Альваро, лежащего на прозекторском столе.

– Может быть, в Австралию? В Австралии полно места.

– Может быть.

– Или в Россию. Там места еще больше.

– Там холодно.

– Не тропики, да. Но когда негде жить, выбирать особенно не приходится, ведь так?

– Ты так печешься о японцах...

– Я большой поклонник супа мисо и старика Миядзаки. Слыхал про такого?

– Нет.

– Он снимает анимэ.

– Мультишки?

– Ты темный человек, Икер. Анимэ – никакие не мультишки, анимэ – вещь серьезная и даже философская. Посмотри на досуге хотя бы «Унесенных призраками» – и ты все поймешь.

«Унесенные призраками» звучит весьма актуально в свете лежащего на столе тела Альваро. Два последних года его жизни иначе как призрачными не назовешь. Кто окружал художника все это время, чем он занимался и какое из этих занятий в конечном итоге привело его к смерти? Вопросы тонут в густом тумане, окружающем Альваро; и туман так плотен, что в нем невозможно разглядеть ни одной тени,

ни одного предмета, за который можно было бы ухватиться. Иерай, если сбросить со счетов увлечение энтомологией и теперь вот еще японские мультики, – неплохой профессионал, может быть, с его помощью туман хоть немного рассеется?..

– Крашеный блондин, – заявляет Иерай. – Твой парень – крашеный блондин. Причем красится он уже давно.

– Как давно?

– Если исходить из изменений в структуре волос – несколько лет как минимум.

– Несколько – это сколько? Год, два?

– Не меньше двух. Последний раз он красил волосы дней десять назад. Темные корни только-только обозначились. Тебя интересует натуральный цвет?

И без судмедэксперта Икер знает: Альваро – брюнет, но все же говорит:

– Валяй про натуральный.

– Изначально волосы были темными. Типичный южанин, одним словом. Я бы назвал его уроженцем Средиземноморья... Греком, португальцем или итальянцем. Может быть, испанцем. Но уж точно не причислил бы его к скандинавам или британцам. А ведь по паспорту он англичанин... И имя английское.

– Интересно, зачем ему понадобилось перекрашивать волосы?

– Не знаю. Может быть, он педик?

Досужие измышления Иерая ранят Субисаррету в самое сердце. Его друг Альваро никогда не был гомосексуалистом, он любил женщин, а женщины любили его. И какие женщины!.. Затрапезному Иераю с его неопрятной щетиной и пальцами-сосисками такие могут привидеться лишь в самых лучезарных снах, потому как в жизни они не обратят на него никакого внимания. В лучшем случае поблагодарят за то, что он поднес к их машине пару пакетов из супермаркета.

– С чего ты взял, что он педик?

– Просто предположил. Впрочем, это легко проверить. Заглянем к нему в задницу?

– Не думаю, что это актуально. – Икер едва сдерживается, чтобы не двинуть судмедэксперта по мятой физиономии.

– А что это ты так разнервничался? Ты ведь хочешь исчерпывающих характеристик? Я делаю все, что могу.

– И при чем здесь его задница?

– Всего лишь дополнительный штрих к портрету покойного. Он мог оказаться педиком, а у педиков чрезвычайно популярны преступления на почве страсти. Представь, он повздорил с любовником, и тот пришил его в аффекте...

– В аффекте пришил спящего? – хмыкает Субисаррета. – Обошелся одним-единственным ударом по затылку? Неправдоподобно, хотя и мелодраматично.

– Я просто выдвигаю версию, которая бы всех устроила.

– На всякий случай, если ты вдруг забыл: версии здесь выдвигаю я. И меня интересует истина, какой бы она ни была.

Пусть даже не слишком удобной для кого-то.

– Ну да, – скалит прокуренные зубы Иерай. – Ты у нас известный изыскатель, готовый влезть в любую навозную кучу, лишь бы чертова истина восторжествовала. Лично мне до нее никакого дела нет, но задницу парня я все же навещу, если ты не возражаешь...

В вотчине Иерая Арзака даже в самый жаркий день царит прохлада, но освежающей ее не назовешь. Здесь нет окон, но сияние, идущее от флуоресцентных ламп, ослепляет. Все поверхности стерильны и отливают металлическим или стеклянным блеском, отдохнуть глазу просто не на чем. Субисаррета бывает здесь нечасто, но после каждого посещения ему хочется выпить или хотя бы встать под душ, чтобы смыть с себя мысли о быстротечности бытия. О его конечности. Кем бы ты ни был, чего бы ни достиг в жизни, в финале тебя ждет прозекторский стол, белая простыня, бирка на большом пальце правой ноги и кто-то похожий на Иерая Арзака. Собачья все-таки у него работа!.. Если имеешь дело с трупами, часто – не очень свежими и попросту изуродованными, шансы стать циником и мизантропом увеличиваются в разы. Впрочем, мизантропом Иерая не назовешь, он – жизнелюб. Большой любитель шумных вечеринок и хорошей кухни, и нет ни одного приличного ресторана, где бы ему не делали скидок при заказе спиртного.

Жаль все же, что здесь нет окон, хоть какого-нибудь окна, за которым простиралась бы сан-себастьянская ночь, напол-

ненная самыми разными (в основном приятными) запахами и звуками. Тогда можно было бы всмотреться в нее, хоть на некоторое время абстрагироваться от Иерая, копающегося в чужом мертвом теле...

В теле Альваро, который вовсе не был чужим инспектору Икери Субисаррете. Почему он не сказал судмедэксперту, что это его друг? Глядишь, и отношение к тому, что осталось от Альваро, было бы гораздо более почтительным. Но что сделано – то сделано, теперь уже поздно выступать с заявлениями.

За неимением окна Икери ничего не остается, как прикрыть глаза, и перед его внутренним взором тотчас возникает фотографический алтарь из номера саксофониста. Логично было бы предположить, что на одном из снимков изображен дом, где живут Исмаэль Дэзире и **Darya**, вот только природный ландшафт мало соответствует швейцарскому. Конечно, Субисаррета небольшой знаток флоры и не дока в архитектуре, но даже он в курсе, что пальмы в Швейцарии не растут. И сам дом не имеет ничего общего с традиционными для горной местности шале.

Это, скорее, тропики. Африка или Латинская Америка. Или... Камбоджа.

Далась ему эта Камбоджа! До сегодняшнего (уже вчерашнего) вечера Икер и думать о ней не думал, но благодаря чертовой горничной и ее купюре Камбоджа в сознании инспектора выросла до размеров целого материка. Никем и нико-

гда не исследованного: там обитают самые диковинные в мире животные, все как один с янтарными глазами; молодые джазмены с ушами кошек, русские девушки, давно позабывшие, как выглядит их родина; несовершеннолетние ангелы, целые популяции ночных мотыльков. При желании в Камбоджу можно впихнуть все, что угодно, даже детские страхи Икера, даже психушку, где сидит профессор-маньяк. Воистину – Камбоджа и есть темнота под кроватью.

Лучшие туда не соваться.

– ...Он не педик.

– Что?

– Ты не слышишь меня? С ним все в порядке... – Иерай тут же поправляется: – В том смысле, что при жизни гомосексуальных связей он не имел. Но я обнаружил татуировку под правым коленом. Довольно занятную. Иди-ка взгляни.

– Татуировку?

Альваро не был любителем украшать себя татуировками и всегда относился скептически к подобного рода боди-арту, но в том зазеркалье, из которого он прибыл, прежние жизненные принципы кардинально поменялись. И следа от них не осталось, как от блокнотов с набросками, вечных спутников Борлито. И неизвестно, какие еще неожиданности и открытия поджидают Икера на пути к зазеркалью покойного друга. При условии, что оно согласится впустить в себя инспектора.

А ведь может и не впустить.

– Странное место для татуировки, ты не находишь? – разглагольствует Иерай, пока Субисаррета вглядывается в участок кожи, испещренный мелкими, едва заметными глазу символами. – И сама она какая-то странная... Впечатлить такой ни одну девушку не получится, как ни старайся.

Девушку – может быть, но сам Субисаррета впечатлен. А ведь это – всего лишь крохотные треугольники, сосчитать их количество не представляется возможным. Треугольники сплетаются друг с другом в произвольном порядке и в какой-то момент кажутся Икери движущимися лопастями неизвестного летательного аппарата. Поверхность каждой из них украшена пиктограммой, но ни с чем конкретным проассоциировать пиктограммы невозможно: так, набор коротких штрихов, кружков и квадратов. Чем дольше Икер вглядывается в лопасти, тем сильнее они начинают вращаться. Контуры их исчезают, и перед инспектором предстает правильной формы круг, светящийся молочным светом. Там, в кругу, Икер замечает бегущего человечка: таких условных человечков рисовал он сам, на полях школьных тетрадей. Чтобы затем быстро пролистнуть страницы и оживить статичное изображение. Наверное, именно с этого начинал и мультипликатор Миядзаки, о существовании которого инспектор узнал двадцать минут назад. Вряд ли его первый опыт сильно отличался от первого опыта Икера, и человечки были похожи, составлены из кружков и палочек разной величины. И... человечкам ничего не угрожало, в отличие от

бегущего в центре молочного круга.

Икер почти физически ощущает ужас преследования. Как будто он сам оказался там, в молоке, и в затылок ему дышит что-то страшное, необъяснимое, не укладывающееся в привычные рамки. И это необъяснимое вот-вот настигнет его, спастись не удастся.

– Эй, дружище! Что с тобой? – Голос Иерая доносится до инспектора, как сквозь толщу воды.

– Что?..

– На тебе лица нет. Очнись!

Лопасты, издав скрежещущий звук, замирают, круг снова распадается на множество треугольников. Человечек внутри круга исчезает, а вместе с ним отступает и страх. Лишь во рту остается привкус чего-то металлического.

– Все в порядке...

– Что-то непохоже. – Судмедэксперт недоверчиво качает головой.

– Сфотографируй мне эту татуировку.

– Само собой.

Вглядываясь еще раз в штрихи и треугольники у Икера нет никакого желания, но он утешает себя тем, что, переместившись на снимок, вращающиеся лопасти утратят свою мистическую власть над сознанием. Интересно, испытал ли Иерай что-либо подобное тому, что испытал Субисаррета? Судя по всему – нет, толстяк выглядит совершенно безмятежным, ни один из двух его подбородков даже не шелох-

нулся.

– Как думаешь, что означают эти треугольники?

– Откуда же мне знать? – Иерай равнодушно пожимает плечами. – Полистай каталоги, может быть, и найдешь что-нибудь похожее.

– Боюсь, что наши каталоги не помогут.

– Поговори с мастерами тату, поройся в Интернете. Но сдается мне, эту татуировку делали не в Европе...

– В Азии?

– Говорю же тебе, я не спец по такого рода вещам. И по чипам тоже. По поводу чипа тебе лучше проконсультироваться с кем-нибудь из специалистов. Но, возможно, он выполняет те же функции, что и чипы, которые вшиваются собакам. Отслеживать животное в случае, если оно потеряется, это и есть его главное предназначение.

И без судмедэксперта Икеру известно предназначение электронных чипов, вот только Альваро, даже в обличье Кристиана Платта, – не животное. Человек. И лучший друг Икера Субисарреты.

– Хочешь взглянуть на него поближе?

Микроскоп стоит тут же, на рабочем столе Иерая, несколько не похожем на самого Иерая. Иерай в жизни – толстый, не всегда опрятный человек, с целым мешком заезженных старых анекдотов на все случаи жизни. Все его разговоры крутятся вокруг еды, выпивки и секса, самым большим эстетическим потрясением он называет оперетту Имре Каль-

мана «Марица» и всегда ходит в непарных носках, потому что найти парные – *большая проблема в его домашнем хлеву*.

Огромный, едва ли не размером со стадион «Камп Ноу», рабочий стол Иерая несколько не похож на хлев, он выдает в хозяине педанта и незаурядную личность. Аккуратные стопки книг по самым разным отраслям знаний, среди которых попадаются самые настоящие букинистические раритеты. Толком прочесть названия доброй половины из них Субисаррета не может до сих пор: ни испанским, ни баскским на корешках не пахнет. Это какие-то другие языки, возможно, санскрит, возможно, иврит; единственное, что поддается хоть какой-то классификации, – арабская вязь. Большинство книг – каталоги, справочники и атласы, большинство атласов – энтомологические. Почетное место на столе занимает вертушка с десятком музыкальных дисков, но это не оперетты. Марика Рёкк, Илзе Вернер, Зара Леандер – эстрадные дивы Третьего рейха со своими unvergessene FILMSCHLAGER¹⁰, вкусы судмедэксперта Иерая Арзака странным образом совпадают со вкусами Адольфа Гитлера. Единственный прокол – наличие в коллекции Марлен Дитрих, которую фюрер страстно ненавидел.

Как певица она и впрямь не слишком хороша.

Карандаши на столе Иерая всегда лежат перпендикулярно листам бумаги, ручки – строго параллельно записным книжкам, экран и клавиатура большого компьютера поража-

¹⁰ Незабываемыми киношлягерами (нем.).

ют стерильностью. Линзы микроскопа протерты и блестят.

Именно в микроскоп и пялится сейчас Икер. Ничего особенного в чипе, даже увеличенном микроскопом, нет. Крошечная микросхема, только и всего.

– Думаю, чип был вшит изначально. – Икер непроизвольно касается собственного затылка. – И убийца не знал о его существовании. Иначе он обязательно бы его вытащил.

– А мог и не вытаскивать. Не исключено, что этот чип для убийцы вообще ничего не значил. А главной задачей было просто замочить бедолагу англичанина, и с ней он справился довольно успешно.

– А... покойный? Знал ли о чипе он?

– Инородное тело трудно не заметить...

– Выходит, знал?

– Я не сказал этого, – осторожничает Иерай. – Представь, к примеру... Ты становишься жертвой несчастного случая... Автомобильная авария, или камень на голову свалился... Да мало ли что может произойти! И вот, придя в себя... где-нибудь в частной клинике, обнаруживаешь шрам на затылке. Не станешь же ты вскрывать себе череп кухонным ножом, чтобы посмотреть, что там под шрамом?

– Нет, – вынужден согласиться Икер. – Что, если он вставлен не только для того, чтобы определять местоположение человека в пространстве и таким образом следить за ним на расстоянии?

– Для чего же еще?

– Мало ли... А если предположить, что он каким-то образом влияет на психику человека? Заставляет его совершать определенные поступки... Полностью диктует модель поведения. Как тебе такая мысль?

– Электронный зомби? – Иерай хмыкает и качает головой. – Я не любитель научной фантастики, извини.

– Считаешь, что это невозможно?

– Ну почему... Во всяком случае, это объяснило бы идиотские действия большинства политиков, и не только наших.

– На такие обобщения я не заховаюсь, – вздыхает Икер. – Ну ладно, с чипом попробую разобраться сам. Что еще скажешь относительно трупа?

– Как я и предполагал, смерть наступила на рассвете, где-то в районе пяти тридцати – пяти сорока. Люди в этот временной отрезок спят особенно крепко, вне зависимости от того, насколько чиста их совесть. Покойный не только не успел сообразить, что происходит, он даже не проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.